РУССКИЙ ШАНСОН
Владимир КОЛЫЧЕВ
Черный лебедь

Владимир Григорьевич Колычев

Черный лебедь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165003
Владимир Колычев. Черный лебедь: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-24100-2

Аннотация

Начальник службы безопасности богача Сокольского в панике. Жена хозяина Майя исчезла в неизвестном направлении, и никто из охраны не может сказать, где она. По горячим следам найти ничего не удалось. Но вскоре выяснилось, что у Майи когда-то давно была соперница – Евгения. Эта Евгения, не сумев покорить сердце Сокольского, нашла себе парня, который прошел горячие точки и был способен на все...

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 22
Глава 4 28
Глава 5 34
1984—1985 годы 37
1 37
2 41
3 50
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Владимир Колычев
Черный лебедь

Глава 1

Май без цветущих кустов сирени – что лето без ярких лучей солнца. Городской парк, сиреневые аллеи, волшебная феерия цвета и запаха. Самые невероятные сорта, самые невероятные цвета – белее снега, краснее солнца, темнее ночи. Тысячи полутонов и оттенков. И цветы совершенно разных форм: одни похожи на сильно завитые полиантовые розы, другие на нежные незабудки, есть гиацинты, флоксы, жасмин. Кажется, что где-то здесь прячется древнегреческая красавица нимфа Сиринга. Вот-вот появится страшный, уродливый Пан, бог полей и лесов. Когда-то, очень-очень давно, красавица Сиринга, спасаясь от своего преследователя, превратилась в красивый куст с нежными душистыми цветами. Но Пан все же нашел ее, вырезал из этого куста сладкозвучную свирель, назвал ее сирингой. Отсюда и пошло название сирени.

Настя любила это место. Небольшая прогулка по волшебным аллеям заряжала энергией на целый год. По-весеннему теплый воздух, напоенный запахом трав и цветов, ласковый ветерок, солнышко в небе. И сегодня тепло, и сегодня светит солнце. Но на душе холодная тоска, весеннее раздолье не радует, а гроздья сирени наводят тоску.

В прошлом году они гуляли здесь с Вадимом. Вот когда пела от радости душа, вот когда за спиной вырастали крылья. Вадим нарушил все запреты, оборвал куст сирени, осыпал Настю цветами. Разум подсказывал ей, что это варварство, а душа изнывала от счастья и восторга.

А потом они вместе уехали в Москву. Лето, осень, зима. Самая чудная пора в ее жизни. А весной грянул гром и ослепила разум роковая молния. Вадим ушел к другой. Она же вернулась домой. Уже два месяца она не живет, а существует. И впереди мрачное лето. Дальше – такая же мрачная осень. Нет Вадима, и жизнь потеряла всякий смысл, окрасилась в темно-серые тона.

Из глубокой задумчивости ее вывел знакомый мужской голос:

– На-асть! Ау!..

Это был Сергей Гонтов, ее бывший коллега. Как всегда, яркая улыбка на губах, душа нараспашку. С ним всегда было легко и просто. Он не унывал даже в самых сложных ситуациях и другим не позволял пасть духом. Одним словом, душа компании.

– Здравствуй, Сережа, – стараясь отогнать назойливую печаль, вымученно улыбнулась Настя.

– Та-ак! У тебя проблемы. А ну-ка пошли!..

Он мягко, но бесцеремонно взял ее под руку и повел в кафе, приютившееся под старым раскидистым кленом. Усадил Настю за столик, занял место напротив нее. И только затем обратился к бармену за стойкой:

– Два «Туборга».

Но бармен даже не шелохнулся.

– Заказ у стойки, – лениво бросил он.

Сергей продолжал улыбаться. Но что-то изменилось в его взгляде.

– Два пива, – повторил он.

И бармена проняло. Засуетился, взял с подноса чистый бокал. Сергей умел внушать людям уважение к себе, не прибегая к атрибутам власти. А такие атрибуты у него должны были быть – красные корочки с золотым тиснением и табельный пистолет. Правда, сейчас

под пиджаком не угадывалось привычной выпуклости. Хотя обычно с оружием он не расставался даже на выходных. Он был превосходным опером и как итог имел множество разномастных врагов.

– Ну, рассказывай.

Скорее это было требование с его стороны, нежели просьба. Но он имел право требовать. Хотя бы потому, что его любопытство было не праздным. Если он и пытался вникнуть в ту или иную ситуацию, то лишь с единственной целью – помочь ее выправить.

Пять лет назад, по окончании школы, Настя поступила в юридический университет МВД. Подруга уговорила. Подругу отчислили еще на первом курсе, а Настя отучилась все пять лет. Получила диплом с отличием, звание «лейтенант» и назначение на должность дознавателя в районный отдел внутренних дел. Женщин там хватало и без нее, но мужская часть коллектива все равно не обошла ее вниманием. Молодая, красивая и неопытная. Офицеры отчаянно изображали при ней крутых волкодавов, поучали при каждом удобном случае, ну и, между прочим, делали непристойные предложения – когда явного, но в основном скрытого характера. Отказала одному, второму, начались обиды, издевки. Был момент, когда она всерьез намеревалась подать рапорт на увольнение. Но все изменилось, когда шефство над ней взял Сергей. Он действительно был волкодавом. Но никогда не пытался изображать из себя «крутого Уокера». Свою профессиональную состоятельность он доказывал делом. И Настю многому научил.

– Да что рассказывать, – пожала она плечами. – Бросил меня Вадим.

– М-да.

С Вадимом она познакомилась в апреле прошлого года. Закрутился столь бурный роман, что она оставила службу и уже через месяц уехала с ним в Москву. Вадим руководил собственной компьютерной фирмой, у него была своя квартира, налаженный быт. Все было просто замечательно, пока в его жизни не появилась другая женщина. И розовый мир с радужным небом рухнул, как карточный домик.

– Я знаю, ты его любила.

– И сейчас люблю. И ненавижу.

– К родителям вернулась? – в раздумье спросил Сергей.

– Да, – потерянно кивнула она.

Вадим обещал на ней жениться, но до загса дело так и не дошло. Но все же он предложил ей остаться в его квартире. Настя отказалась. Зачем ей Москва без любимого?..

– В Москве работала?

– Нет. Вадим не хотел, чтобы я работала.

– Ясно. А сейчас чем занимаешься?

– Ничем.

– Профессиональная страдалица?

– Чего?

– Ну, только и занимаешься тем, что страдаешь.

– Возможно.

– Смотри, засохнешь, – усмехнулся он.

– Ну и что? – вяло пожала она плечами.

– Глупо. Ты еще молодая, а в жизни столько интересного.

– Не знаю.

– Депрессия у тебя. А депрессию работой надо лечить. Загрузиться работой и тянуть ее изо всех сил. Ко мне работать пойдешь.

– Это предложение?

– Нет. Это принудительный найм. Даже не пытайся отказываться.

Конечно же, Настя могла отказаться. И отказалась бы, если бы работу ей предложил кто-то другой. Но Сергей всегда был ее палочкой-выручалочкой. Она привыкла во всем с ним соглашаться. А от привычки так просто не избавишься.

– А меня возьмут?

– Я начальник, я и решаю.

– Начальник РОВД?

– Директор частного детективного агентства.

– Шутишь?

– Нисколько. Уволили меня. За профнепригодность.

– Тебя? За профнепригодность?.. Если ты хотел меня развеселить, поздравляю, тебе это удалось.

Легче было поверить в то, что Земля квадратная.

– Это хорошо, что ты развеселилась. Но я действительно уже не опер, а частный детектив. Контора небольшая, но для тебя место найдется.

– И чем я буду заниматься?

– Документами. Я раньше думал, что у частников бумаг меньше, чем у нас. Ничего подобного. Одних отчетов сколько. Насколько я знаю, у тебя с бумагами всегда был порядок.

– Если только с бумагами, то да.

– Да ладно. А как с бабушкой у тебя ловко получилось? – улыбнулся Сергей.

Настя нахмурилась. Эта история у всех в отделе вызывала улыбки. У всех, но только не у нее. Иногда складывалось впечатление, будто она в чем-то провинилась, даже выставила себя на всеобщее посмешище. А ведь ничего такого вроде бы и не произошло. Поступило заявление от бабушки – сумку в поликлинике у нее украли. Дело поручили Насте. Она не поленилась выяснить, что, кроме всего прочего, бабушка страдала еще и склерозом. И прежде чем возбуждать дело, вместе с той же бабушкой обошла все кабинеты, в которых она могла побывать. И у одного врача нашлась забытая ею сумка. Одним словом, много шума из ничего.

– А Локтева ты как выручила! – напомнил Сергей.

За это дело Настя заработала благодарность в личное дело от начальника РОВД. Один пьяный идиот шел по скользкой улице, упал, сломал ногу. Видно, еще головой сильно ударился – потому и вспомнились былые обиды на милицию. И придумал историю о том, как его избил постовой милиционер. Написал заявление в прокуратуру, опознал первого попавшегося на глаза постовика, дежурившего в ту ночь. А у того, как назло, не было алиби. В общем, Настя выяснила все маршруты, по которым мог передвигаться потерпевший, обошла их все, опросила возможных свидетелей. Огромную работу проделала и добилась-таки своего – нашла человека, который видел, как падал наглый заявитель. Но все это мелочи по сравнению с теми делами, которыми занимался Сергей. Он-то с матерыми преступниками имел дело, не раз рисковал жизнью.

– Когда это было, – вяло махнула рукой Настя.

– Но ведь было. Короче, вот моя визитка, а завтра во второй половине дня ко мне по указанному адресу.

Сергей был симпатичным и очень интересным мужчиной. Но Настя давно привыкла воспринимать его как друга, но не как потенциального любовника. Она сама была недурна собой, в нее влюблялись, ее домогались. Но Сергей даже не пытался к ней приставать. Потому что для него не существовало других женщин, кроме его жены. Настя печально вздохнула. И любовь есть на свете, и счастье, но, видно, не для всех.

Настя выпила бокал пива, больше не захотела. Немного освежилась, и хватит. А о том, что пиво бьет по талии, она не думала. Неинтересно ей было следить за своей фигурой. И появись жирок на боках и бедрах, она бы вряд ли обратила на него внимание. Но не завязы-

вался жирок: от переживаний Настя не набирала, а теряла вес. Не зря же есть выражение «сохнуть по любимому».

Сергей глянул на часы, сказал, что спешит, и ушел. Настя отправилась домой.

– Ну, и где ты была? – недовольно спросила мама.

– Гуляла.

– Работать надо, а она гуляет. Дядя Витя твой приезжал, а ее носит где-то. Хоть бы телефон взяла, что ли.

– Забыла.

– Голову в Москве забыла, телефон дома. Эх ты, горе мое луковое. Дядя Витя работу тебе подыскал.

– Спасибо ему большое, но я не хочу.

– Да погоди ты, не перебивай. Ты умная девочка, с высшим образованием.

– Ну и что дальше? – кисло спросила она.

– Дядя Витя хочет тебя к себе воспитателем взять.

– К себе? Я слишком молодая, чтобы его воспитывать.

– Это хорошо, что ты шутишь. Плохо, что злые у тебя шутки.

– И сама я злая. На эту жизнь.

– Отвлечься тебе надо. Развеяться. Поедешь к дяде Вите, там такая красота.

Дядя Витя работал, или, как он говорил, служил, управляющим графским имением. Превосходное место у Темного озера, сотни гектаров земли и леса, парковый ансамбль в старинном стиле, роскошный дворец – поднятый из руин, отреставрированный. И в этом дворце жил самый настоящий граф – потомок бывших владельцев усадьбы. Возможно, он всего лишь выдавал себя за потомка, но, как бы то ни было, в настоящем он был миллионером и полновластным хозяином возрожденного имения. Настя никогда там не была, но дядя Витя много рассказывал. А теперь он еще и работу предлагает. Каким-то у кого-то воспитателем.

– Дядя Витя – свой дядя, – покачала головой Настя. – А там еще чужой дядя есть. Вот на него я горбатиться не хочу.

– Ты хоть знаешь, какой оклад? Две тысячи долларов в месяц!

– Доллар падает.

– Да, но в своей милиции ты и за год столько не зарабатывала.

– Если в год, то зарабатывала.

– Но ты сейчас вообще не работаешь.

Настя поняла, что пора заканчивать этот разговор. А то если мама разойдется, то не остановишь. Куском хлеба попрекать не станет, но и пощады от нее не жди.

– Работаю. С завтрашнего дня на работу.

– Где? Куда?

– Да все туда же. Завтра все скажу.

Настя сомневалась, что Сергей положит ей оклад, соизмеримый с тем, который предлагал дядя Витя. Но уж лучше работать под его началом, чем ходить по струнке непонятно перед кем.

Офис детективного агентства с незатейливым названием «Альфа-Дет» находился почти в центре города, в здании некогда известного научно-исследовательского центра. Бронированная дверь с видеоглазком, за ней дугообразный холл, стойка ресепшена в комплекте с мило улыбающейся девушкой. Настя назвалась. Улыбка тут же сошла с лица секретарши.

– А-а, вы устраиваться. Сергей Георгиевич ждет вас, – с прохладцей в голосе сказала она.

И показала на ближайшую к стойке дверь. Табличка «Директор». Звучит солидно.

Сергей важно восседал в директорском кресле и разговаривал по телефону. Фирменная улыбка, в свободной руке дымится сигарета, на столе золоченая зажигалка. Кабинет про-

сторный, современный офисный дизайн. Настя хотела выйти, чтобы не мешать разговору. Но Сергей кивком головы показал на свободное кресло за приставным столом.

Только она села, как он положил трубку.

– Ну как настроение? – спросил он.

– Ничего, – пожала она плечами.

– Как тебе наш офис?

– Неплохо. Настраивает на рабочий лад, но нет казенного духа.

Из всего, что Настя не любила в милиции, – ее казенный дух служебных помещений. А здесь комфорт, приятный налет евростиля. И решеток на окнах нет.

– Верно заметила, – кивнул Сергей. – Мне тоже это нравится.

– И кем ты хочешь, чтобы я работала?

– Э-э, – замялся Сергей. – С бумагами.

– Понятно, что с бумагами. А кем?

– Секретаршу мою видела? Еле уговорил Надю выйти сегодня на работу. Увольняется она.

– Ну, спасибо.

– И оклад неплохой. Шесть тысяч в месяц плюс премия. Я понимаю, для Москвы это мало, но здесь не Москва. Нет, ты, конечно, можешь отказаться. Но, поверь, скучать не придется. А там если раскрутимся, то и штаты расширим. Или уволится кто. Детективом, конечно, работать интересней. А мы расширимся. Работы много, тенденция роста налицо.

– Что за работа? Неблагополучных мужей выслеживать?

– Что-то вроде того, – кисло улыбнулся Сергей. – Но есть и очень интересные дела. Сегодня утром клиент один был. Про графа Сокольского слышала?

Настя заинтересованно свела брови к переносице.

– Так вот, от него заказ поступил. А это уже показатель уровня.

– Что за заказ?

– Извини, но сказать не могу.

– Но я же узнаю. Если секретарем твоим стану.

Настя нормально воспринимала слово «секретарша». Но в отношении себя сочла его неприемлемым. Что-то было несерьезное и даже вульгарное в этом определении.

– Вот когда станешь, тогда и поговорим.

– Хорошо, я согласна.

– Что, заинтриговало? – поддел ее Сергей.

– Да нет, выбора нет. Хотя...

Она нарочно затянула паузу, и он повелся на нее.

– Что хотя?

– Вчера мне предложили должность воспитателя. И знаешь где? В усадьбе графа Сокольского.

– Та-ак, это интересно, – встрепенулся Сергей.

Теперь и она могла его поддеть.

– Что, заинтриговало?

– Врать не буду – да. Я так понимаю, ты отказалась?

– В разговоре с мамой да. А так нет. Прямо сейчас могу позвонить дяде Вите.

– Кто такой дядя Витя?

– Управляющий имением графа Сокольского.

– Твой родственник?

– Родной дядя. Правда, мы с ним мало общаемся. Но факт есть факт.

– Даже не знаю, случайность это или закономерность. Вчера тебе предложили одну работу, сегодня мне – другую, но все сводится к графу Сокольскому.

– И что за работа?

– Пропала жена графа Сокольского.

– Давно?

– Да уже больше месяца.

– И что, ее только что начали искать?

– Ищут пожарные, ищет милиция, ищут фотографы в нашей столице. Пожарные – это личная охрана, милиция – это милиция. Ну, фотографы – это папарацци, их, правда, никто не вызывал, да и нет их пока, но на труп слетятся, как мухи. Да и не про них сейчас разговор. Частные сыскные силы тоже задействованы, то есть мы. Тоже будем искать.

– Труп?

– Почему труп?

– Ты же только что про труп сказал?

– Ну да. Все может быть. Интуиция подсказывает, что может.

– Может, она с любовником удрала. Что говорит по этому поводу Сокольский?

– Этого я не знаю. Лично не общался.

– А заказ?

– Сокольский, возможно, и знать про нас не знает. Человек от него был. Заместитель начальника охраны. Даже не начальник, а заместитель. Он-то и поставил задачу. Цена вопроса – тысяча долларов в неделю.

– Странный какой-то способ оплаты, – заметила Настя. – А если ты целый год будешь искать?

– То заработаю пятьдесят две тысячи долларов. Но дело в том, что я носом буду рыть землю, чтобы раньше всех найти пропавшую. Это наша репутация, это наш престиж. Да и призовые – о-хо-хо! – тридцать тысяч. Правда, шансов у нас почти нет. В охране у господина Сокольского есть опытные сыскари, и они, конечно же, лучше владеют ситуацией. У наших бывших коллег из УВД больше возможностей. Я так думаю, им также обещан гонорар.

– А мы в какой степени владеем ситуацией?

– В объеме официальной информации. Фамилия, имя, отчество пропавшей, год рождения и так далее, и тому подобное. Ты вот насчет любовника сказала, так мне кажется, что эта версия имеет право на существование. Но развить эту версию я не могу. Абсолютно никаких зацепок на этот счет. Заказчик характеризует ее как женщину исключительной порядочности и высокой морали. А как он еще может ее характеризовать, если она жена его босса?

– Но хоть какие-то зацепки есть?

– В том-то и дело, что нет. Голый номер. Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Проснулись, а хозяйки дома нет. Как будто корова языком слизнула.

– Дом расположен на берегу озера.

– Знаю. Водолазы прочесали все озеро. Труп нашли. Но чужой. И далеко от дома. Ныряльщик какой-то, за корягу зацепился, потому и не всплыл. Происшествие как минимум годичной давности, к нашему делу не имеет никакого отношения.

– Усадьба должна охраняться. Кто-то же должен был что-то видеть.

– Кто-то что-то, может, и видел. Но никто ничего не говорит. Была хозяйка – и нету. В общем, если есть в этой истории подводные камни, то мы ничего про них не знаем. Я, конечно, могу организовать опрос тех же охранников. Но вряд ли меня подпустят к самому хозяину дома. Был бы я официальным лицом, а так всего лишь какой-то частник. Ну а если и подпустят, то вряд ли что я узнаю.

– Откуда такие мрачные прогнозы?

– Интуиция. И опыт сыскной работы. Чем больше я думаю об этом деле, тем сильнее склоняюсь к мысли, что нас привлекли к этому делу чисто для проформы. Не буду утверждать, но вполне возможно, что хозяин просто-напросто избавился от своей жены. Может,

разругались вдрызг. Может, молодого тела барин возжелал. Избавился от жены, а теперь изображает убитого горем мужа. В общем, я бы очень хотел, чтобы ты взялась за это дело.

– В качестве секретарши? – усмехнулась Настя.

– В качестве засланного казачка. Звони своему дяде, пусть он принимает тебя на работу. Кого ты там воспитывать должна?

– Не знаю. Но вряд ли самого Сокольского. У него есть сын или дочь?

– Сын. В октябре достигнет полного совершеннолетия. Но пока что всего двадцать лет.

– Всего?

– Ну, по сравнению со мной еще пацан. Да и ты уже не молодая.

– Спасибо за комплимент, – возмущенно повела бровью Настя.

Еще вчера ей было все равно, как она выглядит. Но сегодня зашевелилась в голове извилинка, отвечающая за внешний вид. Хотя не так уж и сильно хочется соответствовать условным идеалам и стандартам современности. Но и не соответствовать тоже нет желания. Слишком молодая она для того, чтобы хоронить себя. Это для девиц юных двадцать четыре года – уже возраст, а для нормальных людей – еще молодость.

– Ну, по сравнению с этим, – Сергей заглянул в свои записи, – Юрием Всеволодовичем. Но, поверь, выглядишь ты гораздо моложе.

– А ты его видел?

– Нет. Но я знаю, что ты выглядишь очень-очень молодо.

– Скажи еще, что не родилась.

– Если б ты не родилась, я бы с тобой не разговаривал. И дядя Ваня твой тебя бы к себе не звал.

– Дядя Витя, – поправила Настя.

– А по отчеству? Так, на всякий случай.

– Стогов Виктор Алексеевич. Особые приметы – отсутствует нижняя часть левой ноги. В качестве замены используется протез фирменного английского производства, подарок хозяина.

– И должность у него, я так понимаю, солидная.

– Более чем. Управляющий всем имением. А это не только усадьба. Это еще сорок гектаров пахотных земель.

– При чем здесь земли?

– А у графа Сокольского свой личный аграрно-промышленный комплекс.

– Насколько я знаю, он занимается металлом.

– Да, он крупный акционер металлургического комбината. А сельское хозяйство – это хобби. А может, дань уважения к прошлому. Ведь он обрабатывает земли, принадлежавшие его далеким предкам. Или не таким уж и далеким.

– Это все лирика. А кто управляет домом? Должна быть экономка. А может, все держалось на хозяйке дома.

В глазах Сергея вспыхнули знакомые Насте огоньки. Верный признак, что он мысленно нащупал какую-то версию.

– Это ты о чем?

– Может, у хозяйки дома и у Виктора Алексеевича был амур?

– И что?

– Почему именно твой дядя предложил тебе работу воспитателя? И куда делась прежняя воспитательница?

– Может, никуда не делась, – усмехнулась Настя.

Ей стало весело оттого, что и в ее голову пришло такое же нелепое предположение.

– Может, она сейчас живет с хозяином дома. Это продолжение твоей версии о молодом теле, которое возжелал барин.

– Да, глупое это дело – судить-рядить. Поэтому, чтобы мы не оказались в шкуре глупых баранов, давай звони своему дяде. Какой там оклад тебе предлагают?

– Две тысячи. Долларов.

– Проси в евро, – не моргнув глазом посоветовал Сергей. – Разница покроет потерю в деньгах, которые ты могла бы получать здесь.

– Я так понимаю, что ты платить мне ничего не будешь? – усмехнулась Настя.

– Не, ну если ты будешь настаивать.

– Не буду. Я же не скряга. Как некоторые.

– Да, я скряга. Но поверь, в душе я очень щедрый человек.

И хороший друг, мысленно добавила Настя. Он заставлял ее работать, он вызволял ее из плена махровой апатии.

Глава 2

Гладкая асфальтированная дорога, липы стройными рядами по обе стороны. Машина приближалась к усадьбе графа Сокольского. Если бы Настя ехала сюда в карете, возможно, она бы прониклась духом старины. А пока никаких ощущений.

Ощущения начались чуть позже. Роскошные въездные ворота в старинном стиле – с мраморными колоннами и треугольным перекрытием, тяжелые чугунные ворота с гербовой вязью. Но уже решетчатый кованый забор по периметру охраняемой территории мало чем напоминал о стародавних временах. И скрытые от посторонних неопытных глаз видеокамеры указывали на то, что владелец имения старается идти в ногу со временем. Охранники у вполне современного на вид контрольно-пропускного пункта также имели современный вид – однотипные костюмы, белые воротнички, черные галстуки. Под распахнутыми пиджаками наверняка спрятано оружие – и вряд ли это были однозарядные пистолеты с кремниевыми замками.

Недалеко от ворот находилась церковь с одним-единственным золотым куполом, колокольня с действующей звонницей. Парковый ансамбль из множества живописных секторов, образованных пересекающимися аллеями. Роскошные клумбы, шумящие фонтаны, летние беседки и павильоны. Красота неописуемая! Но больше всего Настю удивил графский дворец. Он поражал воображение своим великолепием и внушал душевную робость своими размерами. Стиль и архитектура восемнадцатого века. Трехэтажный корпус с пониженными крыльями, галереи, флигеля. Но, глядя на эту белокаменную песню, Настя понимала, что вся облицовка здания, колонны, фронтоны и купола лишь повторяют формы, заложенные старинными зодчими; на самом же деле это творения современных мастеров. Она уже слышала, что дворец поднимался из руин. И, чтобы возродить этого «феникса», понадобились миллионы долларов.

Фасадом дворец выходил на озеро, к которому тянулась, пересекая архитектурно-парковую зону, широкая парадная лестница. По ней можно было спуститься к лодочной пристани с двумя колоннами в виде маяков. Возможно, когда-то здесь стояли прогулочные лодки. Но сейчас Настя видела не самую большую, но очень красивую моторную яхту – дорогостоящую забаву для «новых русских». И фонари вдоль лестницы и парковых аллей отнюдь не керосиновые и даже не газовые. Электрические фонари. Но все равно, над всем этим великолепием витал дух старины далекой. Возможно, где-то там за дворцом начинается Лукоморье, и дуб там зеленый, и кот на золотой цепи. Да, бродил здесь где-то кот Баюн. Тишина здесь мягкая, убаюкивающая. И сам дворец, казалось, был погружен в спячку. И вокруг никого. Только садовник копошится в клумбах да охранник в темном костюме топчется у парадного входа средь колонн. И у того и у другого сонный вид.

Но все же Настя была далека от мысли, что хозяйку дома проспали. Охрана могла прозевать госпожу Сокольскую – одну или вкупе с ее похитителями. Но есть видеокамеры слежения, они не спят. Разве что их кто-то отключил. Или позволил их отключить. К сожалению, она располагала малой толикой, к тому же, возможно, искаженной, информации о происшедшем. Ничего, со временем она во всем разберется. А пока что надо приступить к работе, на которую сосватал ее дядя Витя. Нужно думать прежде всего о ней, а остальное все приложится. Кто-нибудь что-нибудь да расскажет, кто-нибудь да поделится слухами.

Охранник на входе уважительно посторонился, пропуская выходящего из дома дядю Витю. Охранник, который сопровождал Настю, просто-напросто растворился в пространстве. Это с ее мамой дядя Витя мог позволить себе расслабиться, с забавным видом рассказать какую-нибудь смешную историю, в компании с отцом чисто по-мужицки со смаком

хлопнуть рюмку водки. А здесь он сама серьезность. Здесь он – величина. Персона, особо приближенная к его графскому высочеству.

Давным-давно, еще на афганской войне, дяде Вите миной оторвало голень ноги. Домой вернулся инвалидом. Говорят, что какое-то время пил с горя. К жизни его вернул Сокольский, он же и на ноги его поставил – можно сказать, в самом прямом смысле этого слова: с протезом ему помог. Настя не могла утверждать, но ей казалось, что своему господину дядя Витя был предан, как верный пес.

Он важно поздоровался со своей племянницей, придирчивым взглядом прошелся по ее внешнему виду. Настя не собиралась никого удивлять, мало было желания кому-то нравиться. Да и работа, на которую она нанималась, не требовала смелых изысков во внешности и волнующих элементов в одежде. Гладко зачесанные и туго стянутые в конский хвост волосы, на лице едва заметный налет косметики, аккуратно подстриженные ногти под бесцветным лаком, мышиного цвета юбка до колен в комплекте с жилеткой, светло-серая рубашка с длинным рукавом, черный женский галстук, тупоносые туфли с низким каблуком да еще на шнуровке. Одним словом – Мэри Поппинс отдыхает.

– Неплохо, – вынес оценку дядя Витя. – Пожалуй, то, что нужно.

Настя уже знала, для чего она здесь нужна. У хозяина поместья была родная сестра, а у той – двенадцатилетняя дочка. Ей-то и требовалась женщина-воспитатель, которая, помимо всего, могла бы еще исполнять роль телохранителя.

Дядя Витя провел ее в дом через парадный ход. Настя едва сдержала вздох восхищения. Все тот же старинный стиль, но в современном исполнении. Мрамор, гранит, позолота, тяжелые хрустальные люстры. Огромный парадный зал под куполом, колонны, арки, анфилады проходных залов. Огромные картины на стенах в золоченых рамах, скульптуры древнегреческих богов, мебель под старину. Невозможно было поверить, что вся эта красота могла принадлежать одному человеку.

Настя пыталась делать беспристрастный вид. Но дядю Витю не проведешь.

– Нравится? – спросил он и сам же за нее ответил: – Нравится. Не может не нравиться. Знала бы ты, что здесь раньше было.

То, что здесь было раньше, Настя слышала от него же, и не один раз. Дядя своим боевым прошлым не так гордился, как личным участием в возрождении графской усадьбы. Знала Настя, что здесь было раньше. А теперь своими глазами видела, что стало сейчас.

– А вот и Елена Васильевна, – сказал дядя Витя.

Из полукруглой глубины парадного зала к ним вышла миловидная, нет, красивая женщина лет тридцати. Высокая прическа, открывающая изящные ушки с маленькими бриллиантовыми сережками и лебединую шею. Гордая посадка головы, черные брови вразлет. Скулы широкие, как будто суровые, но на губах теплится мягкая располагающая улыбка. Красивые добрые глаза. Замечательная фигура – не девочки, но зрелой женщины. Высокая грудь, широковатые бедра, словно выточенная из слоновой кости рука с длинными, как у пианистки, пальцами. Она была во всем белом – юбка чуть ниже колен, жакет, водолазка. Явно дорогой и от-кутюр костюм, но без особых изысков. Строгий, но совсем не черствый стиль.

Это была сестра графа Сокольского. Она же держала в своих руках бразды правления усадьбой. По малому счету, она была здесь экономкой, а по большому – хозяйкой дома. Так говорил о ней дядя Витя. По идее, она должна была подчиняться ему, но, судя по всему, все было как раз наоборот. Елена Васильевна едва заметно улыбнулась управляющему, махнула ему рукой, и он исчез, как будто его здесь и не было.

– Виктор Алексеевич говорил, что вы служили в милиции, – ровным, ничего не выражающим голосом сказала Елена Васильевна.

– Да. Закончила юридический университет.

– Насколько я знаю, с красным дипломом. Очень хорошо. Пойдемте.

Идти пришлось недолго, но через длинную череду залов. Каждому из них можно было давать свое название. Мраморный зал, Фарфоровый, Гобеленовый, Круглый. Портретный зал. Здесь были собраны портреты царских офицеров, высокородных барышень в красивых старомодных платьях.

Елена Васильевна заметила интерес, мелькнувший в глазах у Насти.

– Это наши предки, – улыбнулась она. – Прадеды, прабабки.

– Как же все это сохранилось?

– Увы, почти ничего не сохранилось, – покачала головой Елена Васильевна. – Сохранился только портрет нашего с братом прадеда, Алексея Михайловича. Генерал-майор царской армии. И его супруга, Дарья Николаевна. Портреты старые, сохранились чудом, пришлось восстанавливать. Все остальное – работы наших современников. Старые фотографии, архивы, домыслы. В общем, вроде бы вышла галерея. Есть и наши портреты, – улыбнулась женщина. – Но здесь они появятся после нашей смерти. Хотелось бы надеяться, что не скоро.

Насте показалось, что Елена Васильевна хотела еще что-то добавить к уже сказанному. Но задумалась, ушла в себя. В каком-то внутреннем ступоре продолжила путь. Провела Настю в роскошную угловую гостиную в правой части крыла, жестом руки велела сесть на неудобный, но красиво исполненный под старину диван. Сама присела рядом. Ноги вместе, руки на коленях. Поза целомудренной женщины. И не было в том ничего показного.

– Итак, на чем мы остановились? – стараясь нащупать утерянную нить разговора, спросила Елена Васильевна.

Настя понимала, что не о своем портрете она хочет говорить и уж тем более не о своей предполагаемой смерти.

– Вы про мою службу спрашивали.

– Ах да. И красный диплом. А школу как закончили?

– С серебряной медалью.

– Превосходно. Значит, вы в состоянии будете помочь Карине с уроками.

– Если это будет входить в мои обязанности.

Елена Васильевна мягко, но несколько разочарованно выставила вперед руку – призвала остановиться.

– Я бы хотела, чтобы вы забыли о своих обязанностях. Я бы хотела, чтобы вы стали другом для моей дочери. Виктор Алексеевич верит в вас. Мне бы тоже хотелось верить, что я передаю дочь в надежные руки. Я думаю, вы даже из пистолета стрелять умеете.

– Ну, нормативы я выполняла на «отлично». Но признаюсь честно: в реальных боевых действиях никогда не участвовала, по реальным целям не отрабатывала. Так что сразу скажу: телохранитель из меня ненадежный. Да и воспитательной практики у меня как таковой нет.

– Но психологию и педагогику вы изучали.

– Изучала. Но педагогика и психология у нас весьма специфичная.

Одно дело уметь работать с преступниками, и совсем другое – с нормальными детьми. Но, в принципе, по своей природе все люди одинаковы, просто к одним требуется более жесткий, а к другим более мягкий подход. Настя не видела за собой умений и навыков, чтобы соответствовать требованиям, предъявляемым к воспитателю да к тому же и телохранителю двенадцатилетней девочки. Зато ей казалось, что она справится с этой работой.

– Ничего. Телохранителем у Карины был человек, который имел о педагогике очень смутное представление. И ничего, справлялся.

Елена Васильевна попыталась улыбнуться, но вышла какая-то болезненная гримаса.

– До поры до времени справлялся. Раз уж вы согласились работать с моей девочкой, должна вам сказать. Не имею права утаивать. Скажу прямо – Карина влюбилась в своего

телохранителя. Да, и в двенадцать лет девочкам свойственно влюбляться во взрослых мужчин.

– Да, да, – поддержала ее Настя. – Я в одиннадцать лет влюбилась в нашего историка. Думала, что умру. Ничего, выжила. Сейчас даже смешно становится, когда об этом думаю.

– Со мной, скажу вам, такого не было. Но у меня была подруга, она в тринадцать лет влюбилась в моего родного брата. И сейчас любит где-то в глубине души. А он даже ни разу ее не видел. Вернее, видел, но мельком. Севе тогда было не до нее. И вообще. В его жизни было две женщины. И, поверьте, этого ему хватило с лихвой. Кажется, я дала лишку. Итак, я должна познакомить вас со своей дочерью. У нее как раз начались летние каникулы, в школу ездить не надо. Мы собирались ехать в Грецию на летние каникулы, но у нас такое... Вы, наверное, знаете, что у нас в семье произошла большая неприятность. Пропала жена моего брата.

– Виктор Алексеевич ничего мне не говорил. Как это пропала?

– Никто ничего не знает. Утром проснулись, а ее нет. Но это уже не ваши заботы.

– Надеюсь.

– Ну что, пойдем?

Прямо из гостиной в открытый холл второго этажа вела пологая лестница с фигурными мраморными балясинами и перилами из красного дерева. Холл плавно перетекал в широкий коридор, освещенный электрическими лампами в форме древних факелов. Очень красиво и необычно. Массивная, опять же из красного дерева, дверь, за которой начинался круглый холл с выходом в детские комнаты. Оказывается, это были личные апартаменты маленькой госпожи Сокольской.

Карина была в игровой комнате. Сидящая в специальном кресле, перед высокоточной плазменной панелью, вооруженная мудреным джойстиком, в качестве космического пилота-истребителя взрывала корабли пришельцев. На голове шлем с очками и наушниками, кресло качается и трясется в такт сражению. Сложная система, простым геймерам не по карману.

– Карина, ау! – Елена Васильевна сначала легонько постучала по шлему и затем лишь сняла его с головы воинствующей дочки.

– Черт! – вспылила та.

И вскочила с кресла так, как будто в него угодил плазменный сгусток из бластерной пушки пришельцев.

Симпатичная девочка с большими черными глазами. Темные густые волосы, постриженные в короткое по-детски наивное каре. Большего чем нужно размера футболка навыпуск, рваные джинсы, на голове бандана. Для своих лет она была довольно-таки высокой, но худой и по-детски угловатой. Судя по всему, норовистая девочка. Хотя и не похоже, что злая и ожесточенная.

– Тебя подбили, – одними губами улыбнулась Настя.

Взгляд оставался серьезным и сосредоточенным.

– Ага, сейчас. Мам, а это кто такая?

– Настя. Я тебе о ней говорила.

– А-а, вместо Максима, – сникла девчонка.

– Настя будет твоей воспитательницей.

– Я уже не маленькая, чтобы меня воспитывать.

– Тогда она будет твоей подругой.

– Мам, ну не смеши людей. Сколько ей лет?

Карина смотрела на Настю, но обращалась к матери.

– Двадцать четыре.

– Марьванне тридцать два было. И что?

– Не Марьванне, а Инне Борисовне.

– Все равно Марьванна. Все равно коза.

– Карина!

– Ой, да ладно!.. – по-детски беззлобно, но эмоционально махнула рукой Карина.

– Вот такое оно, молодое поколение! – развела руками Елена Васильевна. И с надеждой посмотрела на Настю: – Надеюсь, вы найдете с ним общий язык.

– Мам, поверь, я тоже на это надеюсь, – лукаво улыбнулась Карина. – Но не знаю.

– Не буду вам мешать.

Елена Васильевна еще раз обратила к Насте полный надежды взгляд и ушла, бросив ее на съедение собственной дочери.

Карина не просто въедливо смотрела на нее, она еще обошла ее по кругу, разглядывая со всех сторон.

– Ну и что? – спокойно спросила Настя.

– Да ничего. В том-то и дело, что ничего особенного. Максим бы на тебя даже не посмотрел.

– Меня твой Максим не интересует.

– Почему мой? – вскинулась Карина. – Мама что, тебе все рассказала?

– Да. Он был твоим телохранителем.

– И все, больше ничего не говорила?

Настя спокойно выдержала вопросительно-подозрительный взгляд своей подопечной.

– Нет. А что она должна была сказать?

– Что Марьванна глупая никакуша!

Настя не могла похвастаться тем, что в совершенстве владеет языком межмолодежного общения. Но кое-что знала.

– Никакуша не может быть глупой. Это все равно что сказать – масло масляное. Никакуша сама по себе глупая, ничего из себя не представляющая.

– Эт чо, урок такой? – Карина озадаченно почесала кончик своего носа.

– Нет, просто замечание. Но двойка пойдет в журнал.

– Какая двойка?

– По этике поведения. За то, что ты оскорбила женщину, которая не сделала тебе ничего плохого.

– Как это не сделала? Сделала!

– Что?

– А тебе не все равно?

– Во-первых, не «тебе», а «вам». Во-вторых, не все равно.

– Смотри, какая правильная, – хмыкнула Карина.

– Правильная.

– Ладно, правильная. Да тебе пополамно, что со мной дальше будет. Все вы тут за бабки работаете.

– Да, я работаю за деньги, – кивнула Настя. – И ничего плохого здесь не вижу. Деньги – это не зло. Деньги – это средство борьбы со злом.

– Да? Ну и как это выглядит?

– Очень просто. Бабло побеждает зло.

– Бабло побеждает зло? А чо, ничо, надо запомнить.

– Не надо ничего запоминать. Это факультативная информация.

– Ну и загрузила ты меня.

– Не загрузила, а объяснила. И не «ты», а «вы». На «ты» мы перейдем, когда вы, Карина, перестанете кривляться.

– Кто кривляется?

– Ты кривляешься. Хочешь показать, что ты хуже, чем есть на самом деле. Я понимаю, это твой внутренний протест. Сама была такой, как ты. Все хотела кому-то чего-то доказать. Глупости всякие делала. А потом поняла, что никому ничего доказывать и не надо. Люди сами разберутся, кто ты есть на самом деле.

– Ну и кто я такая?

– Ну, этого я пока точно сказать не могу. Зато могу сказать, что я тебя не боюсь, – с доброй иронией во взгляде улыбнулась Настя.

– И не надо меня бояться, – надулась Карина. – Я тебе не страшила какая-то.

– Вот и я о том же.

– Не принимаешь ты меня всерьез, – огорченно вздохнула она.

– Ну почему же?

– Да ладно, как будто я не понимаю. Максим тоже меня всерьез не воспринимал. А ты какие глупости в моем возрасте делала?

– Да всяко было. Однажды в учителя влюбилась.

– Да ну! – оживилась Карина. – В физрука?

– Почему сразу в физрука?

– Ну не знаю.

– В историка. Видный такой мужчина был, усики и бородка, как у мушкетера.

– Так, это интересно! – заинтригованно поежилась девочка.

И с ногами забралась на диван. Чуточку подумала и подвинулась, приглашая Настю сесть рядом.

– И что у вас было?

– Ничего. Я ему письма писала, в любви признавалась.

– А он?

– Письма-то я писала, но не отправляла. В ящик стола складывала. Пока мама их не обнаружила.

– Скандал, наверное, был, да?

– Откуда ты знаешь!

– Да знаю.

Карина встала, подошла к двери, закрыла ее на замок изнутри, вернулась на место. И с наивно-заговорщицким видом взяла Настю за руку.

– Обещай, что никому не скажешь! – по-детски серьезно и торжественно потребовала она.

– Между нами, девочками! Это клятва такая!

– Ух ты! Так вот, я в Макса влюбилась.

– Вау!

Настя постаралась забыть о своих годах и вспомнить, как вела она себя в двенадцать лет. Это позволило ей ощутить себя такой же наивной глупышкой, какой была Карина. Только общность интересов и состояния души могла по-настоящему сдружить двух влюбленных девчонок. А ведь Настя была влюблена в Вадима.

– Да, представь себе, влюбилась, – сокрушенно вздохнула Карина.

Она могла показаться комичной в своих детских страданиях – кому-то, но только не Насте.

– Представляю. А он?

– Сказал, что я маленькая. Но я же вырасту!

– Конечно, вырастешь!

– Между прочим, в старину в моем возрасте замуж уже выходили!

– Мой тебе совет: об этом никому не говори. Не так поймут. По личному опыту знаю.

– Ну, если по личному. Я же вырасту, такой же красивой, как мама, стану. А Макс на маму заглядывался.

– Да ну что ты!

– Да правда! Только мама об этом не знает. Мама бы его выгнала, если бы узнала. Он вообще знаешь каким бабником был!

– Каким?

– Страшным.

– Что, и на лицо, и на фигуру?

– Да нет! Он вообще красавчик!.. Стала бы я влюбляться, если бы он страшным был. И Марьванна в него влюбилась. Ну, эта, Инна Борисовна. Она у меня воспитателем была, а Макс телохранителем. Все время вместе. Я в школе, а у них любовь в машине. Мама когда узнала, Марьванну сразу уволила.

– А Макса?

– Нет. Я сказала, что Марьванна сама к нему приставала. А так оно и было! Я-то знаю!

– А где сейчас Макс?

– Никто не знает, – печально вздохнула Карина. – Был и нету. Дядя думает, что он вместе с его женой сбежал.

Не напрасно Настя надеялась на удачу в своей шпионской работе. Вот уже одно обстоятельство всплыло. И это лишь начало.

– Твой дядя? С его женой?

– Ну да.

– А почему он так думает?

– Ну, они же вместе пропали.

– У Макса что, роман с ней был? Ну, как с твоей Марьванной?

– Я не знаю. Но видела, как Макс на тетю Майю смотрел.

– Как?

– На меня он так никогда не смотрел. На мою маму он тоже так смотрел, а на меня нет.

Настю так и подмывало спросить у Карины про ее отца. Она знала, что Елена Васильевна живет без мужа. Дядя Витя ей это сказал, но не объяснил, почему так. Карина могла бы объяснить. Но, возможно, это больной для нее вопрос. Что, если Максим был отъявленным сердцеедом местного масштаба? Что, если кадрил здесь всех, кого возможно? А может, обращал внимание на тех, кому за тридцать. Жена хозяина уже не молода, его сестра такая же зрелая женщина, Марьванне, то есть Инне Борисовне, – тридцать два. Что, если легкий флирт с хозяйкой дома перерос у них в бурный роман? Что, если они вместе и сбежали от графа Сокольского?

Но вряд ли отработка этой версии что-либо даст. Наверняка Сокольский уже пустил свою свору по следу Макса. А уж у него-то куда больше возможностей узнать всю подноготную беглеца, выявить все возможные адреса, по которым он мог скрываться. А может, он давно нашел пропавшую жену вместе с ее любовником, может, давно свел с ними счеты. Тогда их трупы никогда не найдут.

– А как твоя мама узнала, что ты в Макса влюбилась?

– Да я сама ей сказала. Плохо без него стало. Такая тоска. Взяла да ляпнула. Зачем, не знаю.

– Все правильно сделала. Когда любимого теряешь, надо выговориться, тогда на душе легче становится.

– А ты что, теряла? – прониклась участием Карина.

– Теряла. Еще как теряла.

– Давно?

– Совсем недавно.

– Любишь его?

– Да. Но иногда мне кажется, что я его ненавижу.

– Как же я тебя понимаю! – закатывая глазки, тяжко вздохнула Карина.

– Бедные мы с тобой, бедные, – посетовала Настя.

– Да ты не расстраивайся.

– Ты тоже.

– Не буду. А сколько ему было лет?

– Двадцать восемь.

– Ну, Макс постарше будет. Ему двадцать девять. Где он сейчас, Макс?

– И с кем?

– А с кем он может быть? – возмущенно встрепенулась Карина.

– Ты же говорила, что он с женой твоего дяди сбежал.

– Это дядя так думает. А я так только говорю. А может, и с ней. Тетя Майя не совсем хорошая. То есть она хорошая, мне никогда ничего плохого не делала. Но маме моей она не очень нравится.

– Почему?

– Ну, я не знаю. Я слышала, как она ее вертихвосткой назвала. Тетя Майя с дядей Севой к машине шли, а мама на них смотрела. Ну и сказала тихо, я слышала. А почему сказала, не знаю.

– И не надо знать. Не нашего это ума дело. Знаешь, мне кажется, нам развеяться надо.

– Как?

– Ну, тебе лучше знать. Ты же здесь живешь, ты все знаешь. На лошадях, например, покататься. Я слышала, у вас конюшня есть.

– Конечно, есть. Как без конюшни. Ну, можно и на конях.

– А чего так невесело?

– Да надоело. Лучше в компьютер.

– Так ты себе катаракту заработаешь.

– Что это такое?

– Заболевание глаз. Помутнение хрусталика. Все хорошо, хорошо, а потом раз – и ослеп. От компьютера так часто бывает. У меня один знакомый ослеп. Сейчас с палочкой ходит. Но тебе-то, наверное, собаку-поводыря купят.

– Зачем собаку? – разволновалась Карина.

– Ну, если ослепнешь вдруг.

– Не ослепну.

– Почему ты так думаешь?

– Да ну его, этот компьютер. Уж лучше на лошадях. А ты умеешь?

– Немного.

– А где научилась?

– В школе милиции.

– Ты в школе милиции училась?

– Нет, я училась в юридическом университете. А в школу нас возили, ну что-то вроде обмена опытом. Особая школа, конной милиции. А в милиции я служила, но не в конной.

– В детской комнате?

– Почему в детской комнате?

– Ну, мама говорила, что ты в детской комнате милиции работала. Сказала, что, если я тебя не буду слушать, ты меня туда отправишь. Думаешь, я испугалась? – с вызовом спросила Карина.

– Нет, конечно. Нет сейчас детских комнат. Есть инспекции по делам несовершеннолетних. Но я там никогда не работала.

– А где работала?

– Во взрослой комнате милиции, – улыбнулась Настя. – Милицейским дознавателем.

– Это как?

– Дознаватель – от слова «дознавать», «узнавать». Дознание – это предварительное следствие. Но тебе это неинтересно.

– Почему неинтересно? Очень даже интересно. А давай не будем на лошадях кататься! А давай свое детективное агентство откроем!

– Если это игра, то запросто.

– А если не игра?

– Если не игра, то лучше на лошадях.

– Понимаешь, у нас тетя Майя пропала. Дядя Сева ее ищет, дядя Гриша ее ищет, милиция ищет, Юрка ищет.

– Что за дядя Гриша?

– А-а, начальник охраны. Так вот, все тетю Майю ищут, – продолжала Карина. – И мы с тобой ее будем искать.

– Как?

– Ну, не знаю. Ты же главный детектив.

– Ты думаешь, это будет интересно? – нахмурилась Настя.

– Конечно! А если найдем, нам все спасибо скажут.

– Никогда не играй в такие игры.

– Почему?

– Потому что это очень страшная игра.

– Я тебя не понимаю.

– Ты детективные сериалы смотришь?

– Ну, иногда.

– Вот представь себе, показывают ваш дом. Пропадает твоя тетя, в доме появляется детектив и начинает всех подозревать. Тетя Майя пропала – может, с любовником убежала, а может, ее убили.

– А еще она утонуть могла, – добавила Карина со всей серьезностью, на какую только была способна. – К нам следователь приезжал, вокруг озера ходил, потом водолазы были.

– Могла утонуть, – подхватила Настя. – А могли и утопить.

– Кто?

– Вот ты и подумай, кто. Кому была выгодна ее смерть?

– Кому выгодна? Я даже не знаю. Я знаю, из-за наследства убивают.

– Из-за наследства. Другие наследники. Я даже думать об этом не хочу. И считаю, что это совершенно невозможно. Ну а вдруг. Давай допустим, что в гибели твоей тети виновата твоя мама.

– Но этого не может быть! – потрясенно воскликнула Карина.

Сначала она побледнела, затем позеленела, после пошла красными пятнами. Настя невольно прижала ее к себе, приласкала, как маленькую девочку.

– Ну, конечно же, не может быть. Это я сказала тебе только для того, чтобы ты никогда не играла в такие игры. Вдруг ты выведешь маму на чистую воду. Но этого, конечно же, не будет. Потому что твоя мама ни в чем не виновна!

Карину трясло, как в лихорадке. Конечно же, это была всего лишь реакция детского организма на сильное душевное потрясение. Настя и сама прекрасно понимала, что переборщила в своем стремлении охладить пыл юного романтика. Детективный сыск – это игры взрослых людей. Детям там делать нечего. Настя могла бы использовать Карину в своих целях и даже в какой-то степени уже использовала. Но напрямую втягивать ее в это болото она не хотела. Что, если Елена Васильевна совсем не такая хорошая, какой хочет казаться?

Что, если жена брата для нее как кость в горле? Ведь не зря же она назвала ее за глаза вертихвосткой. Что, если она действительно причастна к исчезновению своей невестки? А может, и к ее убийству? Ладно, если преступление раскроет кто-то. А если сама дочь найдет улики, которые отправят на скамью подсудимых ее мать? Это было бы слишком жестоко для Карины.

Разумеется, Настя не собиралась отступаться от своей цели. Она будет продолжать свое тайное расследование. Но Карину она в это дело впутывать не будет. Разве что иногда и косвенно.

Глава 3

Настя могла только догадываться, зачем ее вызвал к себе в кабинет сам граф Сокольский. Возможно, он хотел познакомиться с ней как с человеком, на воспитание которой доверили его родную племянницу. Может, еще что. В любом случае ничего страшного случиться просто не могло. Но Настю изнутри глодало плохое предчувствие.

За те два дня, которые она провела здесь, хозяин усадьбы ни разу не дал о себе знать. Как будто и не было его дома. А сегодня утром прозвучал звонок. В одиннадцать часов Насте предписано было прибыть в кабинет к Всеволоду Владимировичу – так звали графа. У него было одно отчество, у его сестры – другое, но Настю это не смущало. Еще дядя Витя объяснил ей, что у брата и сестры были разные отцы.

Ровно в назначенное время Настя находилась в просторной приемной, обставленной и декорированной под старину. Высокопарная красота. Настя подумала, что было бы нелепицей увидеть здесь стойку ресепшена с какой-нибудь белокурой красоткой с оголенными ногами. Но она этого не увидела. То ли граф понимал, что секретарша не впишется в интерьер его приемной, то ли не нуждался в ее услугах. Зато ей самой нужна была секретарша, которая могла бы доложить графу о ее прибытии. Сама она ломиться в богато инкрустированные двери не решалась. И Всеволод Владимирович не спешил выйти к ней.

Положение спас дворецкий. Этому средних лет мужчине с вытянутым лицом и заостренным узким носом как нельзя лучше бы подошла шитая золотом ливрея. Но граф придерживался старых традиций лишь в интерьерных и архитектурных изысках. Во всем остальном – строгий современный стиль, которому вполне соответствовал элегантный укороченный смокинг дворецкого. Он выразительно посмотрел на Настю, постучал в дверь, зашел в кабинет. Минут через десять вышел:

– Господин Сокольский ждет вас!

Она ожидала услышать эту фразу в несколько иной интерпретации: «граф Сокольский», но дворецкий назвал его господином, значит, так надо. Возможно, графом владельца усадьбы люди величали промеж себя. А может, громкий, почетный, но как-то не вписывающийся в современные реалии титул использовался и гремел на каких-нибудь светских раутах, где собирались новоявленные дворяне. А таких сейчас как собак нерезаных. Только в Москве существовало несколько фирм, в которых можно было купить любой титул вплоть до «наследника российского престола».

Всеволод Владимирович чинно восседал за массивным, опять же под старину, столом. Электрический светильник в форме канделябра освещал лежащую на столе тетрадь и авторучку в форме гусиного пера, которую граф держал над тетрадью. Но его лицо каким-то странным образом оставалось в полумгле. То ли у Насти разыгралось воображение, то ли она стала жертвой игры света, так или иначе, в какой-то момент ей показалось, что из темноты на нее смотрят два светящихся глаза. И только когда она подошла ближе, смогла увидеть лицо сидящего человека. Он действительно смотрел на нее. И глаза вовсе не светятся. Тусклые какие-то глаза, неподвижные, такое ощущение, будто они стеклянные. И лицо словно застывшая маска. По-мужски красивое лицо, четкие волевые черты, аристократическая линия носа, строгая строчка губ. И едва заметные полоски шрамов, которые совершенно его не портили. Одет он был просто. Светлых тонов тонкий джемпер из мягкой шерсти, который, по идее, должны были дополнять обыкновенные джинсы. Но нижняя часть тела, а соответственно, одежды была скрыта под столом. У Насти и мысли не возникло заглянуть под него. Зато других мыслей хоть отбавляй. Что он за человек, этот Всеволод Владимирович? Зачем он вызвал ее к себе? Почему у него такое суровое лицо? Почему он не предлагает ей сесть, хотя по левую руку от него находился кожаный диван-кушетка.

Настя робко поздоровалась, граф ответил ей едва заметным движением головы. И продолжал молча смотреть на нее, продолжал угнетать ее и без того подавленную психику.

– Я могу называть вас Настей? – наконец изрек он.

Но лицо не ожило, и взгляд не прояснился.

– Да, конечно.

– Тогда скажите мне, Настя, как так вышло, что вы обвинили мою сестру в пропаже моей супруги?

Это был не вопрос. Это был удар, шокирующий щелчок бичом.

– Я не обвиняла, – разволновалась Настя. – Я просто предположила.

– Да вы присаживайтесь, – едва заметно усмехнулся граф. И неторопливым движением руки показал на диван. – Не зря же говорят, что в ногах правды нет.

«Неужели правда находится в мягкой части тела?» – невольно подумала Настя, усаживаясь на ту самую часть.

Теперь она понимала, почему начиная со вчерашнего дня Елена Васильевна бросала на нее косые взгляды. Оказывается, она знала о ее разговоре с Кариной. Знала, но ничего ей не сказала. Но пожаловалась брату.

Граф молча ждал объяснений.

– Я ни в чем никого не обвиняла, – повторила она.

Возможно, Карина была здесь ни при чем. Возможно, их недавний разговор подслушивался или даже фиксировался на видеопленку. Но ведь она не заметила в комнате скрытых видеокамер. Впрочем, ее глаз недостаточно наметан для того, чтобы видеть все. Могла и не заметить.

– Да вы успокойтесь, – сказал граф. – Никто не собирается вас наказывать. Но и поощрения не ждите. Как у вас могла возникнуть мысль, что моя сестра могла причинить зло моей супруге?

– Не возникло у меня такой мысли, – мотнула головой Настя.

Но граф не принял ее объяснения. Он пронизывающе смотрел на нее, призывая к правде. Так смотрел, что Настя не выдержала.

– Да, возникла, – сдалась она.

– Почему?

– Вы уверены, что хотите это знать? – неожиданно для себя взбодрилась Настя.

В конце концов, что сможет сделать ей этот человек? Убивать он ее не станет, калечить тоже. Самый максимум – уволит. Но не такая ж это и беда. Настя постарается убедить себя в том, что не было никакой усадьбы. Как не было никакого Сергея с его заданием. Побитой собакой с поджатым хвостом Настя к нему не пойдет.

– Уверен.

В конце концов Сокольский – не маленькая девочка, которую она должна была щадить. Он взрослый мужчина, и она может смело загонять его в тупик. Хотела бы Настя загнать его в тупик. Но вряд ли это получится. А если получится, то уж точно не сейчас.

– Ваша сестра назвала вашу супругу вертихвосткой.

Настя и не хотела выдавать Елену Васильевну, но ведь шило и без того уже вылезло из мешка. Наверняка граф прослушал весь записанный на пленку разговор.

– Откуда у вас такие сведения? – совершенно спокойно спросил он.

Нужно было напрячь воображение, чтобы различить скрытое в его голосе удивление.

– Карина сказала.

– Кто дал вам право допрашивать девочку?

И возмущение графа не прорывалось наружу, но это вовсе не значило, что у него на душе полный штиль.

– Я не допрашивала. Я просто пыталась разговорить Карину.

– То есть войти к ней в доверие, – с невозмутимым видом уточнил Сокольский.

– Да, если вам угодно. Я пыталась отвлечь Карину от компьютера, предложила ей конную прогулку. А она в ответ предложила мне поиграть в детективов. Узнала, что я работала в милиции, и предложила.

– Как она это узнала? Зачем вы это ей сказали?

Это был самый настоящий допрос. Настя вдруг поняла, что граф многого не знает. Значит, не было никакой аудио– и видеозаписи. Неужели Карина разболтала?

– Она спросила, где я научилась кататься на лошадях. Я ответила, что в школе конной милиции. Училась я в университете, а туда нас возили. В общем, я работала в милиции дознавателем. Карина решила, что я детектив и могу найти вашу супругу. Вернее, предложила вместе ее искать. Я стала ее отговаривать.

– Зачем?

– Понимаете, я знала один случай. Сын пытался найти убийцу своего непутевого отца. И нашел. Им оказалась его мать. Потерял и отца, и мать. – Это была история, которую Настя придумала на ходу и в свое оправдание.

Но ведь и в реальности такая история могла произойти. А может, и было что-то подобное.

– Я подумала, что ваша супруга не просто могла пропасть, она могла погибнуть. Поверьте, мне стало страшно, когда я представила, что Карина своими руками подведет под монастырь свою мать. Признайте, это слишком жестоко для маленькой девочки.

– Что ж, звучит убедительно. Действительно, вы отговаривали Карину. И это правильно. Но вы не должны были обвинять в преступлении ее мать.

– Я не обвиняла. Я просто вспомнила эту чудовищную историю с убийцей отца.

– Я не слышал этой истории, – покачал головой граф.

– Да, но зато вы должны были слышать об истории Павлика Морозова, – парировала Настя.

– Разумеется. Значит, вы не хотели, чтобы Карина оказалась в шкуре Павлика Морозова. Признаться, я бы тоже этого не хотел. Но вы должны знать, что Елена Васильевна никогда бы не посмела поднять руку на человека, тем более на мою супругу. А то, что она назвала Майю вертихвосткой...

Граф задумчиво покрутил в руках авторучку.

– Возможно, у нее были на это свои причины.

– Поймите, у меня и в мыслях не было обвинять Елену Васильевну.

– В мыслях – было, – отрезал Сокольский. – Но было ли желание?

– Ну, в мыслях, может, и было. Но с точки зрения детективных сериалов, о которых мы заговорили. А желания искать преступника не было. Да, я служила в милиции, да, я занималась дознанием. Но с этим покончено. Я не хочу там больше работать.

– Почему?

– Видите ли, не мое это призвание.

– Хотите сказать, что работать воспитательницей у двенадцатилетней девочки – это ваше призвание?

– Я в этом не уверена. Но за это хорошо платят. Да и жить в таком великолепном дворце... Поверьте, это гораздо лучше, чем нюхать казенную пыль в мрачных казематах РОВД. И так не хочется уезжать отсюда.

– Куда уезжать?

– Домой. Я так понимаю, что мне здесь больше не работать.

– Кто вам такое сказал?

– Никто. Но вы мне дали понять.

– Я дал вам понять, что вы не должны делать скоропалительные выводы. И тем более пугать ими мою племянницу.

– Я не хотела, так вышло. Сама о том очень жалею.

– Впрочем, я мог бы вас уволить. Но Елена Васильевна просит не делать этого. По ее мнению, вы поступили правильно, что удержали Карину от глупой забавы. Но, конечно же, ее задело, что вы заподозрили ее в гибели моей супруги.

– В гибели?

Настя прикусила язык, но было уже поздно. Слово – не воробей.

Граф нахмурил брови, взгляд стал еще жестче. Все-таки смогла Настя вывести его из душевного равновесия. Но это еще далеко не тупик.

– Думаете, что поймали меня на слове? – мрачно усмехнулся он. – Нет. Я не оговорился. Моя супруга исчезла, я не знаю, где она и что с ней. И не допускаю мысли о том, что ее нет в живых. А вот вы эту мысль допустили. И озвучили ее в разговоре с моей племянницей. И мою сестру вы заподозрили именно в убийстве.

– Да, но это не совсем так.

– Хватит оправдываться, – поморщился граф. – Похоже, теперь в убийстве моей супруги вы подозреваете и меня.

– Кто я такая, чтобы кого-то в чем-то подозревать?

– Вот я и спрашиваю, кто вы такая? – пристально посмотрел на нее граф.

Только сейчас Настя заметила, что один глаз у него как будто не живой. Как будто это был великолепно выполненный стеклянный муляж. Впрочем, что с того, если это действительно так? Стеклянный глаз не мог служить уликой против графа.

А что, если есть улики? Что, если граф действительно замешан в исчезновении, а вместе с тем и убийстве своей супруги? Ведь Сергей же выдвигал такое предположение.

– Я – маленький человек, и мое дело маленькое. Моя вина в том, что в свое время я была дознавателем.

– Еще скажите, что у вас аналитический склад ума.

– Не знаю. Но какие-то процессы там идут. Это как остаточное напряжение в выключенном телевизоре. Не опасное, но неприятное.

– Это верно, не опасное, но неприятное. Не опасное в том смысле, что бояться мне совершенно нечего. А неприятное в том, что мне бы не хотелось, чтобы кто-то без моего ведома лез в наши семейные дела.

– Я не лезу. Но раз уж у меня сложилась такая репутация, мне придется взять у вас расчет. Хотя какой может быть расчет за два дня работы?

– Только давайте без истерик, – поморщился граф. – Никто вас ни в чем не упрекает. Просто есть просьба – не берите на себя то, о чем вас не просят. А то, что Карина захотела поиграть в детективов, так это пожалуйста. Это ее право. Все, вы свободны!

Последняя фраза прозвучала как пощечина. Из кабинета Настя выходила, чувствуя себя оплеванной.

Она понимала, что вряд ли граф ограничится профилактической беседой. Наверняка он наведет о ней самые подробные справки. Узнает, что когда-то она работала в одном отделе с Сергеем Гонтовым, узнает об их взаимной дружеской симпатии. Сергей – частный детектив, Настя приходила к нему устраиваться на работу – это можно узнать через бывшую, а может, все еще настоящую секретаршу Надю. И если все это всплывет, Настю в два счета выведут на чистую воду. А все это может всплыть. У графа есть люди, способные решить такую задачу.

О Сокольском Настя знала совсем немного. Его прошлое было покрыто мраком, который, пожалуй, мог бы развеять дядя Витя. Мог бы, если бы захотел. Но в том-то и дело, что эту тему он старался обходить стороной. Есть только официальные сведения о Сокольском. И те получены от Сергея. Родился, пошел, закончил, поступил. Но в автобиографических

данных невозможно было разглядеть его внутреннюю суть. Можно было только предполагать, что не все с ним ладно. Невозможно честным путем стать крупным акционером свинцово-цинкового комбината – разбогатеть, озолотиться, восстановить себе в угоду заброшенную графскую усадьбу.

Сокольский не простой смертный да и не пытается казаться таковым. И если он виновен в исчезновении собственной жены, уличить его в этом будет практически невозможно. И лучше не пытаться ставить на него капканы. Увы, но Настя должна была признать, что ее миссия провалилась. Никто пока не знает, зачем она здесь и на кого работает, но ее уже взяли на заметку. Возможно, уже взяли под тайное наблюдение. Может быть, граф потому и не увольняет Настю, что хочет держать ее в поле своего зрения. Если враг виден как на ладони, то это уже не враг, а жертва.

В расстроенных чувствах Настя вошла в угловую гостиную, откуда собиралась пройти в открытый холл второго этажа. Рядом с апартаментами, которые занимало избалованное дитя, находилась ее комнатка. Там вещи, там сумка, в которую она их сложит. Но ее остановила Елена Васильевна. Она спускалась по лестнице ей навстречу. Молча показала ей на диван. Так же, как в первый день их знакомства, вернее, деловых отношений, села рядом с ней, сложив на коленях руки. Сожалеющий проникновенный взгляд.

– Я знаю, вы были у Всеволода, – отнюдь не злорадно сказала она.

– Была.

– Зачем?

– Это вы у меня спрашиваете?

– У него. Он не должен был вас вызывать. Я просила. Настя, не поймите превратно, но я должна держать его в курсе всех событий. Как-никак он хозяин дома. Поверьте, я совсем не держу на вас зла. Хотя вы сами должны понимать, что совершили ошибку. Наверное, только так и можно было вразумить Карину.

– Я совершила ошибку. Я ее осознаю. И прошу отпустить меня домой.

– И не думайте. Карина в вас души не чает. Никакого сравнения с Инной Борисовной. Вы сумели найти к девочке подход.

«Что не помешало ей наябедничать на воспитательницу», – мысленно продолжила Настя.

– Так что есть предложение забыть о возникшем недоразумении, – мягко улыбнулась Елена Васильевна. – И продолжить нашу работу. Кстати, Карина хотела бы сегодня покататься на яхте. Я уже отдала распоряжения. Надеюсь, вы умеете плавать?

– Умею, – кивнула Настя.

– Впрочем, подстраховка будет и без того. Но вы должны понимать, что большая часть ответственности возлагается на вас.

– Понимаю. А за свою глупость я прошу прощения.

– Ну, мы же договорились, что забыли об этом.

Елена Васильевна была так мила и обаятельна, что Насте расхотелось увольняться. Одну глупость ей уже простили, а вторую она не простит сама себе. В конце концов, она здесь на задании. К тому же не так уж и плохо здесь работать. Да и жалованье не будет лишним.

Карину она нашла в ее комнате. Девочка стояла у окна и смотрела на озеро, где специальная команда готовила к отплытию круизную яхту. Услышала легкий шорох позади себя, оглянулась. Обрадовалась Насте, но улыбка тут же сошла с ее лица. Сначала опустились глазки, затем и головка склонилась на грудь.

– Я знаю, ты на меня злишься, – горько вздохнула Карина.

– За что?

– Как за что? Я на тебя маме пожаловалась. Ты же у дяди на допросе была!

– На допросе?! – улыбнулась Настя. – Мы же договорились: никаких игр в милицию. Ни допросов, ни следствий.

– И никаких доносов, – дополнила Карина. – Все-таки ты на меня злишься.

– Нет, конечно.

– Но доверять ты мне уже не будешь. И в разведку со мной не пойдешь.

– И в разведку пойду, и в морское плавание по озеру.

– Правда? – расплылась в улыбке девочка. – А какой костюм ты наденешь?

– Ну, не знаю, – пожала плечами Настя.

Она вдруг вспомнила свою шелковую псевдотельняшку, в которой так любил видеть ее Вадим. Там, в Москве, она надевала ее прямо на голое тело и щеголяла в ней до тех пор, пока он с вожделенным ревом не набрасывался на нее. Нет Вадима, нет любви. Вот где настоящая трагедия. А то, что случилось сегодня, малый пустяк по сравнению с этим. Так что и переживать нечего. Яхта так яхта. А тельняшку она все-таки наденет – но вовсе не в качестве ночной пижамы. С джинсами наденет, с кроссовками.

– У меня треуголка есть, как у капитана Флинта.

– А говорящий попугай есть?

– Нет, – отчаянно мотнула головой Карина.

– А камзол с золотыми пуговицами?

– Тоже нет.

– Жаль, а то бы из меня вышел настоящий капитан Флинт.

Не было попугая, не было камзола, зато Настя нашла еще один элемент, чтобы вкупе с черной треуголкой создать облик знаменитого капитана. Она закрыла правый глаз черной повязкой. Известно же, что капитан Флинт был одноглазым.

В таком виде она и показалась перед Кариной. Девчонка пришла в восторг:

– Я тоже так хочу!

– Два капитана на одной яхте – это слишком, – Настя изобразила грозный взгляд.

– А я хочу!

Карина тоже сделала себе повязку на глаз, клипсу на ухо прицепила, тушью нанесла на щеки несколько черных полос. Пиратскую бандану на голове сооружать не пришлось: девчонка и без того с ней не расставалась. Настя не увидела ничего плохого в этом бутафорском наряде и вместе со своей подопечной отправилась на лодочную пристань.

Глава 4

Выходили они через дверь в галерее, соединяющей правое крыло с южным флигелем. Но чтобы попасть на пристань, им нужно было пройти к парадной лестнице. И по пути они встретили Всеволода Владимировича. Он садился в свой лимузин, увидел их и на мгновение замер в недоумении. Брови недовольно сползли на переносицу, губы сошлись в тонкую суровую линию. Все-таки он сел в машину, уехал. Но через какое-то время на пристани появилась Елена Васильевна. В тот момент она очень была похожа на своего брата. Такие же нахмуренные брови, та же суровая линия губ.

– Ну и зачем ты это сделала? – сердито спросила она у Карины.

И сняла черную повязку с ее лица.

– А вы? – в том же тоне обратилась она к Насте. – Вы же были сегодня у Всеволода, вы должны были понять.

– Мама, не ругайся на нее! – вступилась за нее Карина. – Она не знала.

– Она должна была понять!

И Настя поняла. В кабинете у Всеволода Владимировича ей показалось, что правый глаз у него – искусно выполненный стеклянный муляж. Судя по всему, так оно было на самом деле. Вот почему Всеволод Владимирович так недовольно смотрел на них с Кариной. Сам он замечания им не сделал. Но, видимо, позвонил сестре. Отсюда и возникла эта пренеприятная сцена.

Насте ничего не оставалось делать, как повиниться.

– Извините, кажется, я уже поняла.

– Никогда так больше не делайте! – Елена Васильевна сменила гнев на милость.

Но тяжелый осадок на душе не стал мягче.

– Всеволод это очень переживает.

Елена Васильевна сама поднялась на яхту. Парень в белой капитанской фуражке и такого же цвета костюме с латунными пуговицами вытянулся перед ней в струнку. И бодро отчитался о готовности «корабля» к «дальнему походу». Было в его рапорте что-то несерьезное, мишурное. Но при всем при том было видно, что к своему делу он относится со всей ответственностью. Елена Васильевна на всякий случай проинструктировала сначала его, затем Настю и только после этого сошла на берег.

– Полный вперед! – скомандовала Карина.

Казалось, она уже и забыла о той взбучке, которую только что получила от матери. Настя же только о том и думала. Как же могла она так оплошать? Только что получила разнос от хозяина дома и тут же снова нарвалась на неприятность. Если бы не дело, которое поручил ей Сергей, она бы уже взяла расчет. Ведь видно же, что не пришлась она ко двору.

Яхта проворно шла по темной воде озера. Хорошая яхта – стремительные формы, мощные моторы, роскошь и комфорт. Настя даже не хотела думать, сколько она стоит. Не хотела, но думала. Больших денег стоила яхта, очень больших. И усадьба тянула не на один десяток миллионов долларов. Чувствовалось в Сокольском что-то недоброе и даже опасное. Может, зря все вокруг ищут его пропавшую жену. Может быть, ее давно нет в живых. Что, если Сокольский застрелил ее собственной рукой? И ее, и Макса.

– Ты не в настроении, – заметила Карина.

– Ну почему же? – натянуто улыбнулась Настя.

– Да потому. Дядя Сева тоже сегодня не в настроении. Я знаю, это все из-за тети Майи. А так он хороший, добрый. Не веришь?

– Верю.

– А мне кажется, что не веришь. И мне больше не доверяешь.

– Что за глупости?

– И зачем я маме наябедничала? Честное слово, это больше никогда не повторится.

– Ну, конечно же.

– А в детективов мы играть будем?

– Нет, мы будем играть в капитанов.

– В капитанов неинтересно, – мотнула головой Карина. – Если б это море было, а так – лужа.

Темное озеро представляло собой довольно-таки большой водоем, вытянутый в длину. Но, по большому счету, Карина права: по сравнению с морем оно действительно напоминало лужу. Не хватало волны, не хватало простора.

– Лучше что-то, чем ничего.

– Ну, не знаю, – поморщилась Карина. – Лучше в детективов.

– Не лучше.

– Все-таки ты на меня злишься. Ладно, я докажу тебе, что со мной можно ходить в разведку.

– Пожалуйста, не надо ничего доказывать.

– А я все равно докажу! Стоп машина! – крикнула Карина. – Возвращаемся домой!

– А это что за деревенька? – спросила Настя, показывая россыпь бревенчатых и кирпичных домов на высоком берегу в излучине небольшой речушки. Живописное место. «Хорошо иметь домик в деревне».

– Это ж Луковка. А ты что, не знала?

– Откуда?

– Ну да. А тетя Майя сюда любила ездить. И меня с собой брала. Здесь бабушка Мариша живет, так вот у нее самое вкусное на свете молоко. Ой, молока хочу! Па-арного!

– А к берегу мы пристать сможем?

– Э-э, не знаю, – пожала плечами Карина. – Прошлым летом мы на глиссере здесь плавали. А эту яхту недавно привезли.

– Когда недавно?

– Ну, после того, как глиссер пропал.

– Глиссер пропал? Как он мог пропасть?

– А как, по-твоему, тетя Майя исчезла? Села на глиссер и уплыла.

– А Макс?

– И он вместе с ней.

– Это так было или ты так думаешь?

– Ну, я слышала, что они вместе уплыли. А тебе что, интересно? – Карина смотрела на Настю сквозь лукавый прищур задорных глаз.

– Да нет, так спросила.

– А я вижу, что интересно! Ой, а может, тетя Майя у бабушки Мариши прячется?

Бывали случаи, когда устами младенца глаголила сама истина. И это мог быть как раз тот случай. Вряд ли Майя Дмитриевна могла сейчас находиться у какой-то бабушки Мариши. Ее бы там уже давно нашли. А может, она была там? Может, деревенская бабушка знает, куда она потом подевалась?

– Пусть прячется, – пожала плечами Настя.

– А если мы ее найдем? Ну чего стоишь, как истукан? – набросилась Карина на рулевого. – К берегу давай греби!

– Не велено! – покачал головой парень.

– Не велено, – согласилась Настя.

Елена Васильевна действительно запретила сходить на берег. А было бы здорово побывать у бабушки Мариши и поговорить с ней о делах не так уже давно минувших дней.

– А я говорю, велено! – не сдавалась Карина.

По мобильнику она позвонила маме и чуть ли не в ультимативной форме потребовала разрешения побывать у бабушки Мариши. Потребовала и получила согласие.

Напрасно Настя думала, что им не удастся причалить к берегу. Оказалось, что в деревне была своя пристань, к которой были пришвартованы две моторные лодки и парусная яхта.

– Это еще не сезон, – сказал рулевой Паша. – В июле здесь будет столько народу, что не развернешься.

Он остался на яхте, а Настя вместе с Кариной отправились в путь.

Настя уже поняла, что деревенька не простая. Со старыми бревенчатыми домами соседствовали современные коттеджи с черепичными крышами и спутниковыми антеннами. Да и некоторые деревянные избы имели вполне благоустроенный вид: свежая покраска, новые заборчики, кое-где даже пластиковые окна. Нетрудно было догадаться, что в деревне в свое время высадился и уже вовсю обживается десант зажиточных дачников. И неудивительно – чудное место, озеро. И большая дорога недалеко. Вряд ли усадьба графа Сокольского влияла на привлекательность этого места. Далеко до усадьбы, километров семь-восемь, противоположный берег озера. Хотя наверняка здесь имелись желающие полюбоваться дворцово-парковыми красотами. Для этого достаточно было совершить небольшое путешествие по озеру.

Бабушка Мариша жила в бревенчатом домике по соседству с красивым особнячком. Деревенская серость по сравнению с городским изыском. Но особнячок пустовал, зато бабушка Мариша одна заполняла собой и дом, и двор. Изба неказистая, но большое хозяйство – огород, коровы, куры, утки. Забот полон рот. Лет под семьдесят старушке, низенькая, сгорбленная, но энергия из нее ключом бьет. В калошах на босу носу выскочила из сарая и сломя голову понеслась в огород.

– Бабушка Мариша! – окликнула ее Карина.

Старушка остановилась, долго и внимательно смотрела на нее добрыми подслеповатыми глазами. Наконец признала:

– А-а, Кариночка!

Казалось, она обрадовалась не столько ей, сколько возможности перевести дух.

Она завела гостей в дом, посадила за стол:

– Сейчас чай пить будем. С пирогами.

Пироги уже стояли на столе. Плоские, с открытой начинкой – черничной, малиновой и яблочной.

– А молоко? – спросила Карина.

– И молоко есть, – кивнула старушка. – Но утреннее. Парное вечером будет.

Она поставила на стол крынку молока, разлила по глиняным кружкам. Молоко действительно было очень вкусным. Свежими яблоками пахло. Пироги, судя по всему, остались со вчерашнего дня, но тоже были выше всяких похвал.

Бабушка Мариша ласково погладила Карину по голове.

– Как твоя мама поживает? – спросила она.

– Хорошо.

– Что-то давненько ее не было.

– Так она же к вам никогда не ездила. Мы у вас были с тетей Майей.

– Ах, с тетей. И как тетя твоя поживает?

– Не знаю. Она еще в апреле пропала.

– В апреле?.. Что, и не нашлась?

– А вы знаете, что она пропала?

– Да приходили люди, спрашивали про нее. Сказали, что ничего страшного. Так что, до сих пор не нашлась?

– Нет.

– Горе-то какое. Хорошая женщина была. Ой, о чем это я? Как это была? Есть она! Еще найдется, обязательно найдется.

– Может быть, и найдется, – кивнула Настя. – А может, и нет. А какие люди ее искали?

– Какие люди? Обычные. Нет, не совсем обычные. Сказали, что из охраны ее мужа. В костюмах, грозные такие.

– И Макс пропал, – неожиданно для всех сказала Карина.

И торжествующе посмотрела на Настю. Мол, знай наших!

– Макс?! – удивилась бабушка Мариша. – Это что, собаку ее так звали?

– Нет, не собаку. Человека. Очень красивый парень. Вам бы понравился.

– О чем ты говоришь, милая? – смутилась старушка. – Вышла я уже из того возраста, чтобы на парней засматриваться.

– А тетя Майя еще молодая, – продолжала плести свои хитрые сети Карина.

– И тетя Майя на парней засматриваться не будет. Не такая она. Хорошая она женщина. Ничего, даст бог, все хорошо будет.

Настя уже поняла, что бабушка Мариша не сможет пролить свет на темную историю с исчезновением госпожи Сокольской.

– Нам уже пора, – поднимаясь из-за стола, сказала она. – Спасибо вам большое, было очень вкусно.

Старушка удерживать их не стала. Чувствовалось, что ей не терпится снова взяться за работу. Такие люди не могут жить без земли и без работы, отбери у них одно и другое – зачахнут и умрут. А так долго будут жить. И окружающих радовать.

– Ну и как тебе понравилась бабушка Мариша? – уже за калиткой спросила Карина.

Ответить Настя не успела. Из ворот соседнего особняка, преграждая им путь, вышел грузный и в годах мужчина, на котором нелепо смотрелся молодежный джинсовый костюм. Для кого-то нелепо, сам же он наверняка считал себя неотразимым красавцем. Самовлюбленный тип. И любит себя, и уважает. Может, потому и добился в этой жизни немало. Своя строительная фирма у него, денег куры не клюют, жена красавица.

Настя узнала его. Фамилия у него запоминающаяся – Чукоткин. Полтора года назад обокрали его жену: оставила дорогой мобильный телефон в машине, вернулась – ни мобильника, ни магнитолы. Преступника взяли спустя месяц – на месте преступления задержали. А еще через месяц магнитола нашлась. Настя и пальцем не пошевелила для того, чтобы разыскать преступника, и пропажа сама по себе – по ориентировке – всплыла. Но тем не менее мужчина был доволен. Сказал, что милиция не зря ест свой хлеб. Признаться, Насте было приятно слышать такое. Гораздо чаще приходилось выслушивать нытье и претензии пострадавших.

Мужчина тоже узнал ее. Улыбнулся приветливо, но с таким видом, будто сделал ей этим большое одолжение. А вдобавок ошарашил:

– Я всегда говорил, что наша милиция работает хорошо! Только позвонили, а вы уже здесь! А это кто? – показывая на Карину, спросил он. – Ваша дочь?

«Неужели я так старо выгляжу?» – промелькнуло у нее в голове.

– Нет.

– Настя – моя сестра! – выдала Карина. – А меня не с кем оставить, поэтому я с ней. Что там у вас произошло?

Чукоткин отреагировал на вопрос, но обратился не к ней, а к Насте:

– Ничего такого. Но у меня подозрение, что в доме кто-то жил.

– Может, бомжи?

– Это вряд ли. Дело в том, что дом на сигнализации стоит. Ну, здесь, конечно, не город, охрана пока доедет. Но тем не менее сигнализация была включена, когда мы приехали. Полу-

чается, что ее сначала отключили, а затем включили. И газом пользовались. Я точно знаю, что в прошлом году перекрывал газ. А приехал – вентиль на переходнике открыт. Да и газом пахло. Ну, не то чтобы сильно, но попахивало. Да вы сами зайдите, посмотрите.

– Дело в том... – начала было Настя.

Но Карина незаметно ткнула ее локтем в бок. И ответила за нее:

– Ну, конечно, зайдем!

Она играла в детективов без Настиного на то согласия. И если судить по ее поведению с бабушкой Маришей, пока что это ей удавалось. И здесь она взяла бразды правления в свои руки. Настю также разбирало любопытство. Что, если Майя Дмитриевна жила в этом доме вместе с Максом? А что, очень удачный вариант. Чужой дом, никто о нем не знает.

Прежде всего Настя обратила внимание на сигнализацию. Блок, пульт, объемные датчики, ничего такого особенного.

– Соединение какое? – спросила она.

Кое-что из этой области ей было известно. И она знала, каким может быть соединение с пультом охраны, куда должен поступать сигнал тревоги. Это может быть обычная телефонная линия, GSM– или радиоканал. Но откуда в деревне может быть обычный телефон? Остается сотовая или радиосвязь.

– Телефонное. Через обычный телефон, – удивил ее хозяин дома.

– Не самое надежное соединение.

– Да? Я думал, наоборот.

– Лучше всего радиоканал. Его очень трудно заглушить. Сотовый полегче. А телефонный – проще простого. Достаточно перерезать провод. Если, конечно, не установлен специальный режим под обрезку провода. Такой режим у вас есть?

– Должен быть. Но точно не скажу, не знаю.

– Надо узнать. Позвоните на пульт, спросите, поступал к ним сигнал тревоги или нет.

– Я уже звонил – не было сигнала.

– А точно, в квартире кто-то жил?

– Да вы сами посмотрите.

Чукоткин проводил ее в комнату на первом этаже рядом с кухней. Видимо, это помещение предназначалось для предполагаемой прислуги. Полутораспальная кровать, смятая постель. Настя принюхалась, но запах газа не уловила.

– Вы что-то про газ говорили, – напомнила она.

– Говорил. Был запах. Но я же проветрил дом. Вы бы весь дом обошли. Тогда бы увидели разницу. Да и не надо далеко ходить. Вы гляньте, на комоде какая пыль!

Комнатка была не очень большой, но здесь вполне хватало места для спального гарнитура. Одна тумбочка, трюмо, двухсекционный шкаф, комод со множеством ящиков. Заметный слой пыли был только на комоде. На тумбочке – лишь едва заметный налет, туалетный столик тоже относительно чистый. Шкаф высокий, с ним пока неясно. Настя привстала на цыпочках, провела рукой по верхней панели шкафа. И здесь прилично пыли.

– Нас здесь не было с прошлого лета, – продолжал хозяин дома. – Везде пыль. А здесь чисто. И на кухне тоже чисто.

Настя обследовала дом. Действительно, складывалось мнение, что в доме кто-то жил, причем незаконные постояльцы пользовались лишь определенной частью жилища – прихожая, комната, кухня, санузел. По всему выходило, что, прежде чем покинуть дом, они убрались за собой: пыль протерли, полы вымыли. Но складывалось мнение, что убирались они лишь там, где наследили. Зачем? Возможно, для того, чтобы уничтожить отпечатки своих пальцев. Если так, то жили здесь скрывающиеся от правосудия люди. Но если даже здесь жила жена Сокольского с любовником, то ушли они отсюда своим ходом. Прибрались за

собой и ушли. И вряд ли они спрятали где-нибудь в доме записку с указанием своего предполагаемого маршрута.

– Ничего не пропало? – спросила Настя.

Чукоткин покачал головой:

– В том-то и дело, что ничего.

– Телефон работает?

– Да.

Настя думала о том, что неплохо было бы обследовать телефонную линию, чтобы найти предполагаемое место разрыва. Но какой в том смысл, если незваные гости перед своим уходом восстановили линию?

– Тогда, я думаю, вам нечего беспокоиться, – сказала она. – И представитель милиции вам скажет то же самое.

Насте пришлось объясняться с хозяином дома. Ничего, выкрутилась. Вместе со своей подопечной вернулась на яхту.

Карина подала сигнал к отплытию. Затем обратилась к Насте:

– Ну, и что скажешь?

– Скажу. Молоко действительно вкусное.

– При чем здесь молоко? Ты что, не поняла – мы вышли на след тети Майи. А Макс, между прочим, очень хорошо разбирался в технике. Не скажу про сигнализацию, а в компьютерах он хорошо соображал. И в сотовых телефонах тоже разбирался. О любом рассказать мог. С ним очень интересно было.

Детективно-сыскное вдохновение вдруг сменилось печальным настроением. Карина загрустила.

– Теперь он с тетей Майей. И какая она после этого тетя?

– Какая?

– Плохая! Вот какая! И мама так думает. И дядя Сева.

– Мне твой дядя ничего плохого про нее не говорил.

– Тебе не говорил. Ну и мне тоже ничего не говорил. Но я-то знаю, как он о ней думал.

– Как можно думать плохо о человеке, которого любишь?

– Можно. Я вот Макса люблю, а думаю о нем плохо. А между прочим, можно узнать, как дядя Сева о ней думал. Мама книгу про него пишет. Он рассказывает ей, а она пишет. Я сколько себя помню, она все пишет и пишет. Если бы захотела, давно бы уже написала. А так все пишет и пишет.

– Ты это серьезно?

– А разве серьезными вещами шутят? – Карина непонимающе глянула на Настю. – Если не веришь, я могу скачать черновик.

– Откуда?

– С компьютера, откуда ж еще. Мама же на компьютере пишет. Так что, скачать?

Настя промолчала. Слишком велик был соблазн узнать историю жизни господина Сокольского. Но не хотелось втягивать в шпионские страсти Карину. И хотя девочка сама втянулась в них, поощрять ее в этом деле не стоит. Но и отговаривать язык не поворачивался. Да и опасно отговаривать ее. Как бы снова глупость не спороть. Пусть делает что хочет. Раздобудет черновик – хорошо. А не получится – что ж, так тому и быть.

– Не хочешь говорить, не надо. А я все равно скачаю. Но ты ничего не знаешь.

Настя ничего не сказала. Ее молчание можно было истолковать как знак согласия.

Глава 5

Карина очень переживала свою неудачу. Обхитрила маму, умыкнула ее ноутбук, но защитный пароль сломать не смогла. Компьютер уже на месте, а она лежит в своей кровати, смотрит в потолок. Молча переживает. Настя ни о чем ее не спрашивала. Если рану не бередить, она быстрее заживет. Да и не хотела она разговаривать о мемуарах господина Сокольского. Боялась, что их разговор с Кариной кто-нибудь подслушает – мало ли что, вдруг «жучки» в комнатах стоят. Тогда она предстанет в неблаговидном виде – и как заговорщик, и как подстрекатель.

В конце концов Карина заснула. Настя отправилась к себе. Комнатка у нее небольшая. Никаких старинно-архитектурных изысков. Обои в современном стиле, паркетный пол, широкий пластиковый подоконник под мрамор, дорогой спальный гарнитур, плазменная панель. Из окна открывался вид на парк и озеро.

Спать не хотелось. На душе сумятица. Настя не подстрекала Карину, но что-то подсказывало ей, что завтра настырная девчонка снова ринется на штурм компьютера. Елена Васильевна застанет за этим занятием, спросит, зачем она это делает. Карина не выдержит, сознается. И еще скажет, что это Настя ее заставила. Нужно отговорить девчонку, удержать ее от необдуманного поступка. Ну а если Карина обхитрит и ее? Настя и без того уже чувствовала себя преступницей в этом доме. А завтра еще добавится новая провинность. Настя вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха. Возникло такое ощущение, будто стены вокруг нее стали сжиматься. Приступ клаустрофобии. Спасти ее могла только прогулка на свежем воздухе.

Было уже поздно, когда она вышла в парк. Половина двенадцатого ночи. Начало лета, вечера еще холодные, но в спортивной куртке она чувствовала себя вполне комфортно. Легкий ветерок разогнал тягостные ощущения. Воздух, настоянный на ароматах трав и цветов, успокоил душу.

Большой дом уже спал. Только дежурная смена не дремлет. Ходят по периметру дюжие ребята в военизированной форме, сидят у мониторов в тепле операторы видеосистем. Настя знала, что усадьба охраняется. Но не понимала, как охрана могла прозевать жену босса и своего коллегу Макса. Если они ушли на лодке, неужели некому было их остановить? Настя немного подумала и направилась к пристани. У озера еще легче будет дышаться. А заодно она посмотрит, есть ли там охрана.

Охраны не было. И видеокамер тоже. Неужели начальник охраны считает, что со стороны озера нет и не может быть никакой опасности? Гнать его взашей надо, если он так думает. Но не гонит его Сокольский. А тот даже не чешется. После случая с Майей Дмитриевной ему бы следовало усилить охрану в районе пристани. Но нет ничего. И конь здесь не валялся. И яхта наверняка пустует. Не может же Паша постоянно находиться здесь. А если он даже на борту сейчас, разве ж он будет следить за тем, что творится вокруг?

Настя не пошла к яхте. Остановилась на полукруглой площадке меж двумя старинными столбами-маяками. Вода совсем рядом – сделай шаг вперед и рухнешь с полутораметровой высоты прямо в озеро. А вода холодная для купания. Настя представила, как будет барахтаться в темной воде, и поежилась.

Она уже собралась уходить, когда услышала за спиной голос Всеволода Владимировича.

– Помнишь нашу первую встречу? – спросил он.

– Как такое можно забыть? – ответил ему незнакомый женский голос.

Пара приближалась к ней, и Настя не нашла ничего лучшего, как спрятаться за колонну. Глупый ход. Всеволод Владимирович все равно заметит ее. И тогда решит, что она спрята-

лась нарочно, чтобы подслушать чужой разговор. Пока не поздно, нужно было выходить из тени, но Настя стояла, не шелохнувшись.

– Двадцать лет прошло, даже больше. А такое ощущение, как будто все вчера было.

– За двадцать лет много воды утекло, – сказала женщина. – А эта вода как будто стоит на месте.

Настя не видела ее, но решила, что она показывает на озеро.

– Вокруг все изменилось, а вода стоит на месте, – поддержал ее Сокольский.

Судя по всему, он явно был настроен на лирический лад. Что же за женщина с ним? О какой встрече с ней он говорит?

– Я помню эту пристань, – сказала она. – Тогда здесь все было разрушено.

– Не все. Потом еще б*о*льшая разруха была. Но ничего, все подняли.

– Ты молодец. Да, зря я тогда ушла. Ушла, а мое место заняла твоя любимая и ненаглядная.

В голосе женщины угадывалась насмешка и сожаление.

– Ты всегда была моей любимой.

– А как же Майя?!

– Не будем о ней говорить. Нет Майи. Исчезла она. Я же тебе говорил.

– Она вернется. Она всегда возвращается.

– На этот раз не вернется.

Сокольский говорил с такой уверенностью, как будто знал, что Майи Дмитриевны нет в живых. Настя вжалась в колонну. Парочка стояла так близко от нее, что не заметить ее было невозможно. Но, видно, Всеволод Владимирович чересчур был увлечен своей женщиной, чтобы смотреть по сторонам.

– Она снова изменила мне. Она снова обманула меня. – В голосе Сокольского слышалась боль и отчаяние. – Она крутила роман с моим охранником.

– Майя?! С охранником?! Ты что-то путаешь. Майя не могла опуститься до такого. Я не любила ее, ты это знаешь. Но всегда уважала. И сейчас уважаю. И не могу поверить в то, что Майя спуталась с каким-то охранником.

– Но факт есть факт. Не хочешь прокатиться на яхте?

– Хочу. Знаешь, я бы хотела остаться на ней. У тебя прекрасный дом, но мне там неуютно. Твоя прислуга смотрит на меня так, как будто я приехала хоронить твою жену.

– Не знаю, не заметил. Зато заметил, что Лена тебе рада. Ты знаешь, она всегда считала Майю вертихвосткой.

– Не знаю. Ничего не хочу слышать о Майе плохого.

– Тогда вообще не будем говорить о ней. Ну что, пошли?

Парочка направилась к яхте. Настя с трудом поверила в свою удачу. Мало того, что она получила информацию к размышлению, она еще осталась и незамеченной.

Она не стала ждать, когда Сокольский со своей женщиной повернет обратно. И, стараясь держаться в тени, отправилась в обратный путь. Ей повезло – никто ее не заметил, никто не окликнул.

В комнате Настя быстро разделась, юркнула под одеяло – все, теперь точно никто не узнает, где она была и что слышала. А выяснила она много интересного. Оказывается, Сокольский не любил Майю. Всю жизнь он любил другую. Всю жизнь, больше двадцати лет. И вот через месяц после того, как его жена исчезает, он привозит во дворец ту самую другую. Прислуга смотрит на нее с подозрением, зато Елена Васильевна принимает ее с распростертыми объятиями. Оказывается, она тоже не любила Майю Дмитриевну.

Всеволод Владимирович не боится, что пропавшая жена вернется. Уверен, что с ней все кончено. Что, если он все-таки убил ее? Что, если к этому каким-то боком причастна Елена Васильевна? А Карина все пытается играть в детективов. Настя решила, что завтра

обязательно поговорит с Кариной. Надо ее остановить, а то ведь выроет яму под собственную мать.

Только Настя об этом подумала, как в дверь тихонько постучали.

– Да!

Дверь открылась. В комнату на цыпочках вошла Карина.

– Ты что, не закрываешься? – шепотом спросила она.

– А кого мне бояться?

– Ну, не знаю. Все может быть.

Похоже, в Карине не на шутку разыгрались шпионские страсти. Настя получила еще одно тому подтверждение. Вместе с кипой бумажных листов получила.

– Что это?

– Распечатка! – с торжествующим видом возвестила Карина. – Все-таки я его сделала!

– Кого его?

– Пароль! Число, месяц и год моего рождения, без точек и наоборот. Уснуть не могла, все думала. Додумалась. Теперь усну.

– А читать кто будет?

– Ты.

– А мне это надо? – спросила Настя.

И сама же себе ответила – да, ей это нужно. Очень нужно. Хотелось разобраться в хитросплетениях, в которых запуталась Майя Сокольская. Она отправила Карину спать, а сама взялась за нежданно обретенную рукопись. Кто его знает, может, в руках у нее ключ к разгадке страшного преступления.

1984—1985 годы

1

Уборка урожая – дело святое. Выращивают его колхозники, а убирают все кто ни попадя – школьники, студенты и прочие шведы. Мне тоже «повезло» – попал под лозунг «Началу нового учебного года – ударный труд!». Думал, хоть на пятом курсе отдохну, ан нет – вперед и с песней. И во главе организованной толпы, гордо именуемой студенческим отрядом.

Командовал сей доблестной гвардией замначальника факультета, а меня и друга моего Макара взял к себе в помощники. Во-первых, по старой памяти. Во-вторых, мы уже по-настоящему взрослые люди, фактически офицеры – шутка ли, военную кафедру закончили, а по выпуску из института получим лейтенантские погоны. Короче говоря, парни мы хоть куда. И не важно, что с экономического факультета, где в подавляющей своей массе учатся девушки разных мирных народностей. Всякие там «горные геологи», «металлурги» и «электромеханики» нас, парней-экономистов, за людей не считали и даже слагали о нас всякие гадости. Поначалу мы с Макаром обижались, даже всерьез подумывали о том, чтобы перевестись на другой факультет, но потом привыкли. Тем более что к пятому курсу оскорблять нас уже было некому. Вернее, желающие бросить камень в наш огород, может, имелись, но реальных поползновений в нашу сторону не наблюдалось. В прошлом году я стал бронзовым призером всесоюзного студенческого турнира, Макар же стал чемпионом области. Мы хоть и «экономисты», но при этом мастера спорта по дзюдо и нас лучше не задевать.

Андрей Данилович, как водится, толкнул политически грамотную речь. «Товарищи студенты! Родина ждет от вас трудового подвига!» И далее в духе «все для фронта, все для победы». Знал я, что это за фронт такой. С утра до вечера в погоне за картошкой – раком через все поле. Комбайн роет, а ты по уши в грязи вслед за ним. Приятного мало, но настроение тем не менее отличное. Сентябрь, чудесная погода и бабы в «бабье лето». Девушек много. Первокурсницы и второкурсницы – все с экономического. Ребята тоже были, но, естественно, мы с Макаром рассматривали их исключительно в качестве тягловой силы. Чего, конечно же, не скажешь о девушках, тем более о тех, которых мы имели честь лицезреть перед собой. Ведь мы с Макаром стояли рядом с Данилычем, лицом к строю, так сказать. Начальство, раскурить его через коромысло.

Особенно хороши были первокурсницы. Возможно, мне так только казалось – в силу чувства новизны. Всех второкурсниц я знал в лицо, а кое с кем из них даже имел... ну, скажем так, романтические отношения. А первокурсницы для меня сплошные «иксы» да «игреки».

Одна из них так просто прелесть. Вроде бы ничего особенного: лицо как лицо, фигура как фигура, а какой-то магнит в ней – глаз не оторвать. А вроде бы и выглядит нелепо – косынка, брезентовая ветровка, трикотажные штаны, заправленные в резиновые сапоги. Другое дело – Майя. Она хоть и не Плисецкая, но фигуркой никак не хуже знаменитой балерины. Такая же волнующая и грациозная. Ну и, конечно же, красивая и эффектная. Яркая красная курточка ниже пояса, на голове игривая беретка того же цвета, веселая юбка в клеточку, белые колготки, изящные синие сапожки – не сразу и поймешь, что из резины. Глядя на нее, не скажешь, что битва за урожай входит в ее планы на ближайшее будущее. Ни дать ни взять Красная Шапочка, и сама как пирожок – так и хочется съесть. Всем хочется. Но не мне.

В принципе, я бы от нее не отказался. Что уж тут и говорить, Майя – самая красивая девушка из тех, кого я когда-либо знал. Но не лежала у меня к ней душа, не было того тре-

петного, зовущего в омут с головой чувства. Ну, красивая и красивая. А еще доступная. В прошлом году у нас был с ней небольшой роман. Все как положено – кино, вино и домино в постели. Внезапно все началось, внезапно и закончилось. Она закрутила амур с каким-то мальчиком из госуниверситета, а я целиком переключился на сдачу летней сессии. Прошло лето, начался новый учебный год, и можно начинать все сначала. Похоже, именно так и думает Майя – глаз с меня не сводит, интригующе улыбается. А глаза голубые, как небо в ясную погоду. Но Майя меня мало волнует. Мой взгляд сам тянется к первокурснице, которую мог бы назвать незнакомкой, хотя знаю, как ее зовут. Евгения, или просто Женя. Вот если где и есть женская изюминка, так это в ней. Или даже фунт изюму.

Но если б не было волнующей первокурсницы, я все равно бы нашел куда смотреть, лишь бы пореже встречаться взглядом с Майей. Само место, куда наш отряд определили на постой, располагало к созерцанию окружающего пейзажа. Прекрасное место, некогда величественное, а ныне бесхозно-запущенное. Это была старинная графская усадьба.

Красивое темноводное озеро, на крутом берегу которого, словно на постаменте, возвышается самый настоящий дворец. Роскошный шестиколонный портик с высоким фронтоном и куполом, парадная белокаменная лестница, тянущаяся до лодочной пристани, полуразрушенная церковь с колокольней без колокола, архитектурно-парковый ансамбль с фонтанами и павильонами. От былого великолепия здесь мало что сохранилось, но все равно усадьба производила впечатление если не ошеломляющее, то близкое к тому. Если закрыть глаза, то совсем нетрудно будет представить, как выходит из дворца барин-самодур Троекуров в роскошном, расшитом золотом халате, как прогуливается по парку его дочь, кисейная барышня Маша, как подкрадывается к ней «мусье Бопре». «Тихо, Маша, я Дубровский». Но, похоже, здесь есть своя Маша, то бишь Евгения. И свой поручик Дубровский, то бишь я, Всеволод Сокольский. Только вот Данилыч на Троекурова никак не тянет. Сейчас толкнет речь, расквартирует народ, закроется в своем кабинете, хряпнет на ночь бутылку дешевого коньяка, а там и трава не расти. Уж я-то это знаю, не впервой с ним «детей крещу». Правда, здесь, в этом чудном местечке, нам бывать еще не приходилось.

Да и не могли мы здесь бывать. Еще в прошлом году здесь размещался филиал какого-то техникума, который этим летом целиком и полностью перебазировался в новое здание где-то в областном центре. А брошенную усадьбу выделили пока под студенческий отряд. Что будет дальше, неизвестно. До города далеко, вокруг одни леса да поля. А сам дворец нуждается в капитальном ремонте. Может, и начнутся здесь реставрационные работы, но уже после нас. Как говорится, после нас хоть потоп.

Данилыч распустил отряд. Мальчики направо, девочки налево. То есть одни будут жить в правом крыле здания, другие в левом. Но это про мальчиков, которые приехали работать вместе с девочками. Мы же с Макаром приехали командовать. А это вам не мордой в грязь. Мы должны были разместить девушек в отведенном для них помещении, накормить и, пожалуй, обогреть. Поэтому мы повели наших красавиц во дворец. Увы, никто не ударил в литавры при нашем появлении. Хотя бы мазурку кто сыграл. Но некому. Пусто во дворце. И совсем неуютно. Двусветная полукруглая зала в центре, мрачные залы парадных анфилад. Никакой тебе позолоты, никаких хрустальных люстр, бронзовых статуй и ваз из тонкого фарфора, зато всякого хлама в избытке. Выбитые окна, изуродованная лепнина, замазанные краской настенные росписи.

– Безобразие, – громко прозвучал чей-то девичий голос. И уже тише: – Вандализм, варварство.

Макар возглавлял шествие, а я его замыкал. Мы оба уже успели побывать здесь, знали, куда вести девушек. И девушки знали, что в большой семье клюв нужно держать по ветру. Зазеваешься и прощелкаешь лучшую комнату, лучшую койку. Как бы на раскладушке спать не пришлось или даже на голом полу. Поэтому возмущенный голос никого не остановил.

Толпа пошла дальше, и я бы по инерции проследовал за ней, если б не увидел, кого именно возмутило безобразное великолепие дворца. Это была Женя. Она стояла посреди главного зала и с интересом смотрела вверх под самый купол.

Она была возмущена, но вместе с тем ее завораживало хоть и унылое, но все же величие давно ушедшей эпохи.

– Что-то не так? – стараясь не выдавать своего к ней интереса, внешне бесстрастно спросил я.

– Да все не так! – сердито отозвалась она. – Какая здесь раньше красота была! А что сейчас?

– Бардак всего-то.

– Мягко сказано.

– А тебе сейчас мягко стелиться надо.

– Чего? – оторопело уставилась на меня Женя.

– Кроватей мало, раскладушек еще меньше. Гамаков вообще нет. Два варианта на выбор – или на полу спать лежа, или стоя, как лошадь. Тебе что больше нравится?

– Мне больше нравится кровать.

Она повернулась ко мне спиной и продолжила по своей воле оборванный путь.

– Боюсь, что уже поздно.

Я не ошибся. Лучшие комнаты левого крыла были уже заняты дружными и давно притершимися друг к дружке второкурсницами. Комнаты похуже, но с койками и раскладушками, разобрали самые расторопные первокурсницы. Осталось только две комнаты, где вообще не было ничего. Только статуи, в которые превратились зазевавшиеся мисс. Сейчас очнутся. Очнулись. И начался такой гвалт, что нам с Макаром пришлось спасаться бегством. К счастью, в тот же день нам удалось раздобыть кучу старых запыленных досок, из которых можно было соорудить лежаки. Этим мы и озадачили парней-первокурсников, а их койки передали девушкам. Не знаю как кому, но я решил, что это был вполне справедливый ход с нашей стороны.

Я лично позаботился о том, чтобы Жене досталась хорошая кровать. Но при этом она осталась в самой дрянной комнате из тех, что имелись в наличии. Окно, более чем наполовину заложенное кирпичом, выбитые стекла, обвалившаяся штукатурка, аварийный потолок, пятна масляной краски на полу. В этой комнате свободно могло поместиться человек семь-восемь. Но, кроме Жени, здесь обосновалась всего лишь одна девчонка. И, надо сказать, довольно-таки симпатичная. Курносая шатенка с кокетливыми завитушками. Люся. Как я понял, Макару она понравилась. А мне нравилась Женя. И неудивительно, что в голову закралась крамольная мысль. Грешным делом я подумал, что мы с Макаром могли бы забрать девушек в свою, самую лучшую комнату из тех, которые имелись в мужской половине здания. Но я даже не стал развивать эту тему. Во-первых, девушки могли отказаться, а во-вторых, за такое самоуправство мы бы могли получить по шапке от того же Данилыча.

И все же я предложил девчонкам сменить жилье.

– А то как бы потолок на голову не рухнул, – предостерег я.

– И куда нам теперь деваться? – с интересом посмотрела на меня Женя.

– Ну, в соседнюю комнату, скажем девчонкам, они потеснятся.

– Потеснятся, а потом проклянут, – хмыкнула Люся. – Нет уж, мы лучше здесь.

– А может, нам во флигель перебраться? – непонятно, то ли в шутку, то ли всерьез спросила Женя.

– В какой флигель? – не сразу сообразил я.

– Ну, можно в северный, можно в южный. В одном должно быть восемь комнат, в другом... э-э... кажется, одиннадцать.

– Ты откуда знаешь? – удивился Макар.

– Ну, слышала как-то, – пожала плечами Женя. – У меня отец краеведческим музеем заведует. Я фотографии этой усадьбы видела, ну, старинные, когда все красиво было. Это сейчас разруха, а тогда... Раньше здесь было имение графа Сокольского.

– Какого графа? – встрепенулся я.

– Сокольского. А что? – удивленно посмотрела на меня девчонка.

– Моя фамилия Сокольский.

– Интересно.

– Но я не граф.

– И все равно интересно.

– Очень-очень интересно, – развеселился Макар. – Может, объясните нам, комсомолец Сокольский, свое дворянское происхождение, а? А ну признавайся, социально чуждый элемент, блин!

Это была всего лишь хохма. Но мне стало немного не по себе. Дворянское происхождение, графская фамилия – ни дать ни взять пережитки прошлого. Ничего, казалось бы, серьезного. Чай, не при Сталине живем. Да и социальные грани между представителями разных классов давно стерлись. Но если разобраться, то не так уж все и просто. Комитет госбезопасности не дремлет, и в комитете комсомола может найтись какая-нибудь воинствующая бяка. Заподозрят во мне графского потомка – все, можно распрощаться с мечтой о блестящей карьере. В лагеря, конечно, не сошлют, но палки в колеса вставить могут. Хотя вряд ли ко мне можно будет приклеить дворянский ярлык. Фамилия фамилией, а мать у меня самая что ни на есть политически зрелая и, что еще важнее, активная личность. Председатель профсоюзного комитета крупнейшего в стране свинцово-цинкового комбината. И фамилия ей в том ничуть не помеха.

– Эй, что с тобой? – всполошился Макар. – Я же пошутил.

– А вдруг я и есть тот самый социально чуждый элемент? – через силу улыбнулся я.

– Да будет тебе.

– А чего вы так забеспокоились? – удивленно спросила Женя. – Я бы, например, радовалась, если бы у меня вдруг обнаружились дворянские корни. Но их у меня нет. Прадед рабочим был, дед рабочим, отец тоже рабочим начинал, это он уже потом на истфак поступил.

– А я про своего деда ничего не знаю, – обескураженно покачал головой я.

– У отца мог бы спросить. Или у матери.

У отца я спросить ничего не мог. Не было у меня отца. Мама говорила, что он летчиком был и разбился еще до того, как я родился. Но в эту сказку про летчика я давно не верю. Хотя виду не подаю. А зачем расстраивать мать? Она и без того несчастная женщина. Только делает вид, что у нее все хорошо, все замечательно. Но я-то знаю, как она по ночам плачет.

– Спрошу, – буркнул я.

И тут же, чтобы сменить тему, спросил:

– Что ты там про флигели говорила?

– Ну, в одном восемь комнат, в другом, кажется, одиннадцать. Только там окна заколочены, я видела. И галереи разрушены.

– А может, сходим? – предложил Макар. – Сейчас у нас дел по горло, а к ночи освободимся. И сходим. Ну, сколько там комнат, посчитаем.

– Ночью?! – поежилась Люся.

Макар же только того и ждал. Подсел к ней на кровать как ни в чем не бывало, обнял ее за плечи, привлек к себе. Понял, пройдоха, что девчонка нуждается в надежной мужской поддержке, вот и подсуетился. А она и не возражает. Сама к нему не жмется, но и его не отгоняет.

– Ночью страшно, – покачала головой Женя. – Не знаю, как в северном, а в южном с привидением можно повстречаться.

Она сказала об этом как о чем-то само собой разумеющемся. Ни капли суеверного ужаса в глазах. И никакого намека на то, что она тоже нуждается в крепком мужском плече. Увы, у меня пока что не было повода ее обнять и прижать к себе. А я бы не отказался.

– Да ладно тебе! – Зато Макар намертво прикипел к Люсе, та и рада.

– Ну, мне отец говорил. Ходили слухи.

– Что за слухи?

– То ли в семнадцатом году, то ли в восемнадцатом резня здесь была. Поместные крестьяне восстали против своих хозяев. Старый граф тогда на фронте был, точно не скажу – то ли против немцев, то ли против большевиков.

– Но уж точно не против белых, – усмехнулся Макар.

Я ничего ему не сказал. Но так на него глянул, что он сам приложил палец к своим губам.

– Так вот, старого графа не было, зато был молодой. Михаил, Михаил. Э-э, если отца звали Юрием... э-э, отчество не помню. А сын, значит, Михаил Юрьевич. В общем, его убили вместе со всей семьей. Погибла и жена старшего сына, который также был на фронте.

– И сколько у него сыновей было?

– Да вроде бы трое. Один совсем маленький, даже не скажу, сколько лет. А звали его... звали его Всеволод. Да, кажется, так. Так вот, Всеволоду Юрьевичу повезло. Он успел скрыться вместе с матерью. Она же увезла, а может быть, где-то спрятала и фамильные драгоценности. Есть сведения, что они эмигрировали, кажется, во Францию. А взрослого сына графа, внуков и невесток закололи вилами. В том самом южном флигеле. Они забаррикадировались там, но взбесившиеся грабители все равно их достали.

Кстати сказать, меня самого зовут Всеволодом. Но я не стал заострять на этом внимание и скромно промолчал. Зато Люська открыла рот:

– Грабители? Ты же говорила, что крестьяне, – напомнила она.

– А по-твоему, крестьяне не могли быть грабителями?

– Грабители – это одно, а классовая ненависть – совсем другое!

– Если бы. Им графские богатства нужны были.

– И откуда ты все знаешь? – съязвила Люся.

– От верблюда, – надулась Женя.

Я подавленно молчал. А что, если я в самом деле имею какое-то отношение к графской семье? Что, если это моего деда убили в южном флигеле? И вообще, все, о чем рассказывала Женя, казалось мне безумно интересным. Графское поместье, дворец-усадьба, Гражданская война, взбесившиеся крестьяне. А еще фамильные драгоценности – золото, бриллианты, рубины, жемчуг.

2

Ночь, за окном светит луна. Но уж лучше кромешная темнота, чем это. Луна сама по себе наводит страх и тоску. А еще эта страшная быль о заколотых вилами людях.

Это все Макар. Это он потащил нас в южный флигель. Ночью, под впечатлением страшного рассказа. И делал он это нарочно. Как еще объяснить то, что этот жук подготовился ко всему заранее. Взломал заколоченную досками дверь во флигель, отыскал самую лучшую комнату – единственную, где в окнах сохранились стекла. Тайком пронес сюда два лежака. А потом уже повел нас, легко сбив с двери самим же на сопли посаженные доски.

И вот мы в этой комнате. Макар с Люськой жмутся друг к другу на одном лежаке, мы же с Женей на другом – но не жмемся, даже за руки не держимся. Вроде бы я не робкого

десятка, но смелости мне в общении с ней не хватает явно. Даже не пытаюсь приставать к ней, как будто точно знаю, что из этого ничего не выйдет. А я не хотел, чтобы она мне отказывала. Поэтому и не домогался. Не лезь в воду, если боишься утонуть.

– Жень, а почему ты думаешь, что здесь водятся привидения? – спросил Макар.

– Детские сказки, – улыбнулась она. – Неужели ты не понял?

– А если не сказки? Если взаправду? – покрепче прижимаясь к Макару, спросила Люська.

Она и в самом деле была напугана. Но это состояние скорее нравилось ей, чем наоборот. Страх приятно щекочет нервы, а рука Макара тем временем щекочет внешний выступ бедра. А там, глядишь, до внутренней части доберется.

– Мы в позапрошлом году в студенческом лагере были, – сказал Макар. – Озеро, волейбол, все такое. В домиках жили, да, Сева?

– Жили, – кивнул я.

– Страхи всякие на ночь рассказывали. Ну, ведьмы там всякие, русалки. И что?

– Что? – повелась на затянувшуюся паузу Люська.

– Была русалка. Колька Шмаков погулять на озеро вышел ночью, смотрит, девчонка на пляже лежит. Ну, лежаки, на которых загорают. Точно такие лежаки, на которых мы сейчас сидим. Ага, так вот, смотрит, девчонка в чем мать родила. А красивая. Ну, слово за слово. В общем, в самый разгар она вдруг в покойницу превращается и давай разлагаться.

– Да ну! – в ужасе воскликнула Люська и вцепилась в Макара так, как будто он был оберегом от нечистой силы.

Хотел бы я, чтобы и Женя ко мне так же крепко прижалась. Но...

– Врет он все, ваш Колька, – саркастически усмехнулась она.

– Да ладно, врет. А помнишь, мы у Мишки в гостях были, ну, прошлой весной? – обращаясь ко мне, спросил Макар. – Отец у него в загранку ходит, видеомагнитофон привез. А там еще фильм ужасов, на английском, правда. Но все равно до жути страшно. Так вот, Ирку Оськину вампир в подъезде поймал. Она домой возвращалась, а тут это. Клыки – во! Глазищи – во! Как вцепился ей в горло. Ирка потом в больнице долго лежала.

– Кошмар! – вне себя от страха пробормотала Люська.

А Макар продолжал заливать.

– Ирка обещала к нам подъехать. Ну, посмотреть, как мы живем. А знаешь, зачем?

– Ты же сам сказал – посмотреть, как мы живем, – как мышонок пискнула Люська.

– Ну да! Это всего лишь предлог! Ты еще молодая, не знаешь, что те, кого вампир укусил, сами вампирами становятся. Ирка приедет кровь нашу пить, поняла?

Врал он безбожно, но как убедительно! Признаться, мне даже стало немного не по себе. Зато Жене хоть бы хны. Слушает Макара, смотрит на него как на полного кретина и скептически улыбается.

– А почему она вампиром стала? – чуть ли не завывающим голосом вопросил Макар. – А потому, что фильм про вампиров смотрела! Сама на себя вампира вызвала! Так что ты, Женечка, не права! Не надо нам было про привидения рассказывать!

– Не надо было! – снова пискнула Люська.

– А вдруг они сейчас за нами придут?

– Вдруг!

– Зря мы сюда пришли!

– Зря!

– Уходить надо!

– Надо!

Макар толкнул лозунг, но сам остался на месте. И удержал вскочившую было Люську. Приложил палец к губам:

– Тсс! Там кто-то ходит!

И в этот момент резко открылась дверь.

– А-а! – взвизгнула ошалевшая от страха Люська.

Даже я вздрогнул, хотя знал, что все идет по сценарию. Как ни крепилась Женя, но и она испугалась и даже прильнула ко мне в поисках защиты. А я не растерялся, обнял ее за плечи. Макар хоть и придурок, но котелок у него варит.

Дверь открылась, и Люська снова заголосила, увидев, как мимо нее по темному коридору прошмыгнуло что-то белое. И дверь тут же закрылась. А спустя пару-тройку мгновений по ней ударили молотком.

– Ну и что это такое? – возмутилась Женя.

– Гвозди заколачивают, – в показном ужасе пробормотал Макар. – В дверь. Кажется, я знаю, зачем.

– Зачем? – словно на последнем издыхании спросила Люська.

– А затем! Гвозди в наш гроб вколачивают, вот зачем!

– Ну, знаете! – вспылила Женя.

Кажется, она поняла, что происходит на самом деле. И даже попыталась встать. Но не смогла. И я здесь был совершенно ни при чем. Онемевшие от страха ноги отказывались держать ее тело, а вместе с тем и умную и смелую голову.

Еще несколько ударов, и все стихло. Но Макар продолжал нагнетать кошмар.

– До утра нам лучше отсюда не уходить.

– Не уйдем.

– Если выживем, то утром сами выйдем.

Я удивлялся, как вообще Макар мог говорить. Люська с такой силой вцепилась в него, что у него должно было отказать дыхание.

– А что, можем и не выжить?!

– Да черт его знает! Все может быть!

– Но я не хочу умирать, – в панике пробормотала она.

– Да ты не бойся, я тебя в обиду не дам.

Какое-то время Макар молчал, тиская в своих объятиях насмерть перепуганную Люську. Я же, в свою очередь, обнимал Женю. Она не пыталась вырваться из моих объятий, но и признаков жизни не подавала. Ей было страшно, но защиты на моей груди она не искала.

– Умереть не страшно, – обращаясь к своей подружке, едва слышно сказал Макар. – Страшно умереть, если ни разу... Ну, ты меня поняла.

Я не знаю, поняла Люська его или нет, но он продолжал:

– Но мне совсем не страшно. У меня было. А у тебя?

– Нет. Ни разу.

– Тогда девственницей умрешь. Жаль, в жизни нужно все попробовать.

– Я не хочу, – прошептала Люська.

– Меня не хочешь?

– Умирать не хочу.

– А меня?

Она ничего не ответила. Но подозрительные шорохи, которыми сопровождались движения Макара, свидетельствовали о том, что он был близок к своей цели. Он – добрый малый и не позволит девушке умереть девственницей.

– А у тебя был парень? – спросил я у Жени.

Казалось, вопрос завис в воздухе. Но все же ответ прозвучал:

– Почему был? Он и сейчас есть. В армии служит.

– Ну, я не в том смысле. У вас что-нибудь было?

Женя меня поняла. И возмутилась. Вырвалась из моих объятий и даже повела плечом так, как будто собиралась влепить мне пощечину. Но не стала распускать руки, ограничилась устным порицанием:

– Дурак!

– Извини, – повинился я и снова обвил ее руками.

Она не попыталась вырваться, но спросила, в упор глядя на меня:

– Зачем?

– Нравишься ты мне.

– А ему Люська нравится, да? – саркастически усмехнулась она, взглядом показывая на молча копошившуюся пару.

Похоже, Макар уже залез к ней под юбку, и не только руками. Темнота разъедала силуэты их тел, но все равно можно было догадаться, чем они занимаются. А если Люська еще и стонать начнет... Мне стало неловко – и за друга, но прежде всего за себя. Известно, что от сессии до сессии живут студенты весело. Мы с Макаром уже пятый год учимся, и такой вот тихий, но явный разврат для нас дело, в общем-то, привычное. И не такие оргии в общаге устраивались. Но ведь Женя совсем молодая, еще даже учиться не начинала. Ей такой идиотизм в новинку.

– Ну и чего ты застыл? – тихо, но с нажимом спросила она. – Давай, начинай! Я же тоже девственница. Я же тоже не могу умереть нецелованной! Ну чего ты как не живой, а?

Если бы она действительно хотела... Но я-то понимал, что Женя всего лишь провоцирует меня, чтобы я показал ей свою идиотскую сущность.

– Да ладно тебе, – смущенно буркнул я.

– Скоты!

Женя оттолкнула меня, вскочила на ноги и уверенной походкой приблизилась к двери.

– Устроили тут спектакль!

Двумя руками толкнула дверь, и та с трудом, но поддалась ее усилиям. Видимо, не очень старались подговоренные Макаром ребятки, слабо прибили доску с той стороны.

Женя открыла дверь и выскочила в темный коридор. И некому было ее остановить – все «привидения» давно испарились. Женя шла так стремительно, что я смог нагнать ее только на лестнице, по которой она спускалась на первый этаж. Нещадно скрипели прогнившие ступеньки, где-то рядом с шумом обвалилась штукатурка с потолка, но это были естественные звуки, ничего общего не имевшие с нечистой силой. И все равно было чуточку страшно.

В былые времена из южного флигеля можно было сразу попасть в левое крыло основного здания. Достаточно было пройти метров семь-восемь по изогнутой дугой галерее. Но сейчас этот путь сообщения был полностью разрушен. Поэтому нам с Женей пришлось выйти на свежий воздух. Здесь я и успокоился. Теплая светлая ночь, мягкий ветерок чуть слышно ласкает листья деревьев, от Темного озера приятно тянет легкой прохладой. И хотелось закрыть глаза, чтобы не видеть разруху. Но, увы, от этого никуда не деться. Сколько лет усадьбой владели вандалы. Бесхозно владели, наплевательски.

– Субботник надо бы организовать, – сказал я.

Но Женя даже ухом не повела. Хоть и медленно, но уверенно она шла по направлению к парадному входу дворца. К себе в комнату возвращается. Чтобы меня не видеть.

– Субботник, говорю, организовать надо, – повторил я. – Мусора во дворе много, убраться бы.

На этот раз я добился своего.

– И привидения разогнать! – злой насмешкой ответила она.

Не самая лучшая реакция на мое предложение, но уж лучше что-то, чем ничего.

– Да ладно тебе! Сама привидения выдумала! Никто вас туда силой не тащил!

Женя остановилась и порывисто повернулась ко мне:

– Интересно было, потому и пошли! А вы цирк там устроили!

– А ты уверена, что это был цирк? – с осторожной насмешкой на губах спросил я. – Может, в самом деле привидения, а?

– Ну да, конечно! – Женя готова была поднять меня на смех.

Но это был бы истерический смех. Она догадывалась, что стала жертвой розыгрыша. Но в то же время и сомневалась. А вдруг привидение было настоящим?

– А давай вернемся? – предложил я.

– Зачем?

Я видел, что сомнения одолевают ее. И не верит она в привидения, а все равно возвращаться страшно.

– Ну, там же твоя подруга осталась. А чем они там с Макаром занимаются, а?

– Чем, чем. Это их личное дело.

– Ей страшно, а Макар пользуется ею, – подзуживая, продолжал я.

– Ну да! Она мне говорила, что сама хочет с Макаром, – начала было она, но запнулась и замолчала.

Впрочем, и без того было ясно, что она хотела сказать. Люська сама была не прочь опрокинуться вместе с Макаром.

– Что, не надо им мешать? – спросил я.

– Не надо, – кивнула Женя и отвела в сторону глаза.

– Тогда зачем этот марш протеста? Ничего же страшного не произошло! Ну, любит мальчик девочку...

– А если б ты воспользовался моим страхом?

– Но тебе же не было страшно.

– Было!

– А я, дурак, не воспользовался.

– Был бы дураком. Если бы я этого хотела, – усмехнулась она.

– Но ты не хотела. А если б хотела, то никогда бы об этом не сказала.

– Ты страшный пошляк!

– Страшный пошляк? Или страшный сам по себе?

Я вдруг понял, что мы уже не стоим на месте. Мы шли по направлению к лодочной пристани, но не через парадную лестницу, а по дорожке из старинной, но изрядно попорченной плитки.

– Сам знаешь, что не страшный, – опуская голову, смущенно сказала она. И пасмурно добавила: – Но я тебя боюсь.

– Почему?

– Потому что я не из тех, в кого влюбляются такие парни, как ты.

– Какие такие?

– Ты хочешь, чтобы я исполнила дифирамбы в твою честь? Обойдешься! И вообще, мне уже пора.

– Куда, в озеро?

– При чем здесь озеро? Домой. То есть в общежитие.

– Да, но ведешь-то ты меня к озеру.

Женя остановилась. Как будто только что заметила, куда ведут ее ноги.

– Это ты меня ведешь, – сказала она и вымученно улыбнулась. – Утопить хочешь?

– Я что, похож на злодея?

– Нет, ты похож на Дон-Жуана. Такой же... Э-э... Ветреный.

– А еще какой?

– Какой надо!

– Кому надо? – не унимался я.

В результате чего Женя окончательно смутилась и замолчала. Но назад к дому не повернула. Мы вместе вышли на полуразрушенную пристань. Обломки каменных блоков, торчащие наружу железные прутья арматуры, снесенная наполовину башня. Одним словом, печальное зрелище. И опасное. Казалось, что в любое время под ногами может обвалиться каменная плита, а то и рухнуть на голову вторая, пока что еще целая башня-маяк.

Похоже, я был не одинок в своих прогнозах о грозящей нам опасности. Я протянул Жене свою руку, а она в тот же момент подала мне свою. Мы взялись за руки, как будто это могло отвадить от нас беду. А может, она думала вовсе не об опасности. Да и я, признаться, думал о ней мало. Гораздо больше меня занимала мысль о самой Жене. Из головы не выходила брошенная ею фраза: «Я не из тех, в кого влюбляются такие парни, как ты». Что это, низкая самооценка или преувеличение моих достоинств? Конечно, я имел представление о собственной внешности. И знал, что нравлюсь девчонкам. Но почему я не могу влюбиться в Женю? Могу. Еще как могу!

– А у тебя что, правда есть парень? – стараясь скрыть наползающую досаду, спросил я. – Или это ты мне назло сказала?

– Назло, – кивнула она.

– Значит, нет никого, – облегченно вздохнул я.

– Назло. Правду назло сказала. Есть у меня парень. Он сейчас в армии. Его корабль в дальнем плавании. В каких морях, не знаю. Военная тайна.

– Так армия или флот?

– А что, есть разница?

– Ну вот, а говоришь, что парень служит. Нет у тебя никакого парня. И не служит у тебя никто. Есть разница между армией и флотом. В армии два года служат, а на флоте – три.

– Все правильно, Иван три года служить будет. Год почти прослужил, еще два осталось. А сколько в армии служат, я не знала. А тебе не нравится, что у меня парень есть? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Ну, есть и есть, – разочарованно пожал я плечами. – Но два года ждать, это же очень долго.

– Если любишь, то недолго.

– А ты его любишь?

– Люблю, – чересчур уж поспешно ответила она.

– Тяжело тебе будет. Девчонка ты красивая, а вокруг столько парней.

– Не так уж и много.

– А тебе что, меня одного мало?

– Не знаю. Может, даже слишком много. А то, что я красивая, это ты зря, – нахмурилась Женя.

– Не любишь комплименты?

– Не люблю лести. А ты льстишь. И я знаю, зачем. Я для тебя всего лишь очередное увлечение. Поиграешься и бросишь. Ладно, не будем об этом.

– А если это не игра? Если это серьезно?

– Боюсь тебя разочаровать, но я не дурочка, которую можно легко обмануть. И вообще, у меня есть парень.

– Ты его не любишь, – уверенно сказал я. – И он тебе не пара.

– Не тебе об этом судить.

– Мне! Нравишься ты мне. По-настоящему нравишься.

– Видишь озеро? – усмехнулась Женя.

– Вижу. И что?

– Вот в него и забрасывай удочки. А от меня отстань. Все, мне пора. Не провожай.

Женя ушла, но я даже не обернулся. Как стоял лицом к озеру, так и остался стоять. Не стал я удерживать ее. И вовсе не потому, что не хотел ее останавливать. Просто в моем положении не стоило этого делать. А то еще решит, что не я прав, а она. Ведь правота за мной. Ничего такого я не сказал, за что меня можно было так подло бросить одного на пристани. Сейчас Женя это осознает, осадит себя и вернется, чтобы сдаться мне на милость. А я уж тогда ее приласкаю и обогрею.

И я не ошибся. Не прошло и пяти минут, как за моей спиной послышались легкие шаги. Так могла ходить только девушка. А кто еще это мог быть, кроме Жени...

– Ты мне в самом деле очень нравишься, – не оборачиваясь, сказал я. – Ты необычная.

Она подошла ближе, молча взяла под руку, прижалась к ней плечом.

– И не собираюсь я тебя обманывать.

И не должен я был ее обманывать. Может, во мне отцовские гены бушуют, может, еще что, но мне нравилось кадрить девушек, играть с ними в игры, в финале которых, по природе вещей, могут быть дети. Но в случае с Женей меня тянуло на роль серьезного человека – не мальчика, но мужа. И я ее не брошу, как мой отец в свое время бросил мою мать. Я был уверен, что не брошу. Она действительно необычная девушка. Может, и не самая красивая, но меня это совершенно не смущало. Вот только пахнет она как-то не так. Вернее, очень хорошо пахнет. Тонкий волнующий аромат французских духов. Но Женя должна пахнуть иначе, ее запах – это уют и тепло домашнего очага.

– Не собираешься? Но ведь обманул.

Приятный девичий голосок заставил меня содрогнуться. Только сейчас я понял, кто стоял со мной и кружил мне голову ароматом дорогих духов. Это была Майя. Я невольно отстранился от нее, отступил назад, чтобы убедиться, что у меня не галлюцинации. Но передо мной действительно стояла Майя. Все та же красная курточка, но не было красной беретки. Красивые светло-русые волосы распущены, шикарными струями стекают с плеч. И юбки нет, отчего ее ноги, едва прикрытые курткой, казались бесконечно длинными. Стройные ножки и чертовски соблазнительные.

Она смотрела на меня ехидно-насмешливым и в то же время кокетливым взглядом.

– Обманул ты меня, Севочка. Обманул!

– Ну да! Скажи еще, что это я загулял с «золотым мальчиком»? – усмехнулся я.

Если уж разбираться в том, кто виноват в разрыве наших отношений, то винить следовало ее.

– Я загуляла. Но ведь ты меня не остановил.

Что верно, то верно. Не стал я бегать за ней, не умолял вернуться. Ну, было немного грустно оттого, что Майя меня бросила, но трагедии из этого я не делал. Знал, что скоро и думать о ней забуду. Так оно и оказалось. Потому что не было любви.

– А я что – придурок, чтобы за тобой бегать? – с чувством гордости за себя спросил я.

– И за кем ты теперь бегаешь? За той дурочкой с переулочка?

Мне совсем не понравилось это наглое вторжение в мою личную жизнь. Я сурово нахмурился.

– Это ты о ком?

– Видела я, за кем ты ухлестываешь, – пренебрежительно усмехнулась Майя. – Было бы что-то стоящее, а так обидно. Нашел, на кого меня променять.

– Это ты меня променяла.

– Что было, то было. Сейчас у меня никого нет. И не будет, если ты... – Майя нежно смотрела на меня. И ласково улыбалась. Я чувствовал, как мое сознание обволакивается убаюкивающими волнами ее очарования.

– Что я?

– Если ты будешь со мной, то мне никто больше не нужен.

– Пока не подвернется кто-нибудь более стоящий, – пытаясь стряхнуть охмуряющие чары, выдавил насмешку я.

– Ты ничего не понял, – укоризненно глянула на меня Майя. – С Игорем у нас ничего не было. Он, конечно, парень что надо. Но я ушла к нему только для того, чтобы посмотреть, как ты отреагируешь на это. Честное слово, у нас ничего не было.

– Да мне как-то все равно, что у вас там было.

– Я вижу, что тебе все равно. Оттого мне и больно. Скажи, что ты меня любишь. Скажи, что жить без меня не можешь, – с нежностью заглядывая мне в глаза, попросила она.

Эта атака с ее стороны оказалась столь мощной, что я не смог ей противостоять.

– Ну, ты мне, конечно, нравишься.

– Уже лучше, – просияла она. – И ты меня любишь так же, как прежде.

– Разве я раньше это говорил?

Насколько я помню, мы с Майей не признавались друг другу в любви. Как можно было признаться в том, чего нет?

– Скажешь сейчас.

Она вплотную приблизилась ко мне, своими нежными невесомыми руками обвила мою шею. Головокружительное обаяние и пьянящий аромат красивой прелестницы, завораживающая сила колдовских чар. Я чувствовал себя Одиссеем, угодившим в любовные сети нимфы Калипсо. Попал, что называется. И поплыл.

– Ну чего ты молчишь? – нежно спросила Майя.

– Ты мне очень нравишься.

– Это ты говорил той. А меня ты должен любить.

– Ну, люблю.

– А если без «ну»?

– Люблю.

– А громче можешь?

– Могу.

– Так скажи.

– Могу!

– Не то. Скажи.

Я понял, что Майе давно пора закрыть рот. А способ, как это сделать, я знал. И применил его – впился в ее сладкие губы глубоким, затяжным поцелуем. Она обмякла у меня в руках, ее тело мелко задрожало. Я знал, что это значит. Майя возбуждена, и с ней можно делать все, что угодно. Но негде. Разве что отвести в свою комнату. А почему нет? Макар сейчас с Люськой. А когда вернется, мы с Майей будем уже под одеялом. О Жене я в тот момент не думал. Майя своим шумным появлением заглушила все мысли о ней.

О Жене я вспомнил на следующий день. Мы отправляли отряд на работы. Плановое построение, пламенная речь еще не похмелившегося Данилыча. В сей торжественной обстановке мы с Макаром должны были вручить каждой сестре по серьге, то бишь по казенному ведру. Получи, обрадуйся и распишись. Я стоял и посматривал то на Женю, то на Майю. Первая – далеко не самая красивая, можно даже сказать – бесфигуристая. Но было в ней нечто, от чего взметались ввысь чувства. И Майя. Первая красавица с великолепной фигурой и нежной, чуточку смугловатой кожей. Само очарование. Глядя на нее, я также испытывал прилив чувств. Но это скорее была бурная страсть, нежели тихая, но окрыляющая любовь. Не любил я Майю. Но, вспоминая прошедшую ночь, я чувствовал, как закипает во мне молодая кровь. Ведь сегодня Майя снова подарит мне сладострастную ночку, если, конечно, не разочаруется во мне.

Женя старалась не смотреть в мою сторону. Глазки опущены, губки поджаты. Такое ощущение, будто она знает, что произошло этой ночью. Такое чувство, будто она обижена

не только на меня, но и на весь белый свет. Зато Майя смотрит на меня с мягкой загадочной улыбкой, в глазах ярко светятся радостные искорки. Она счастлива, что снова со мной. И что же мне теперь делать? Пытать счастья с Женей, рискуя потерять Майю. Или оставить Женю в тени своих чувств, чтобы вдоволь испить из страстного колодца, который сам поднимает из своих глубин и сам подает мне вкусную водицу. Я не знал, что делать. Я искал компромисс. А время бежало стремительно быстро. Данилыч уже толкнул речь, и первая девушка уже отделилась от общей массы, за ней потянулись и остальные. Вряд ли кого из них распирает от желания пройтись ударным трудом по колхозным полям, но ведра разбираются бойко. Все тот же принцип – в большой семье не щелкай. Ведер хватит на всех, но последним «воронам» может достаться дырявый инвентарь. Это как с семечками – наберешь полную горсть, сначала идут хорошие, а в конце всегда остаются мелкие и горелые.

Майя не торопилась. Знала, что ей достанется самое лучшее и, что самое главное, меньшее из всех ведер. Но точно такое же ведро я берег и для Жени. И она как будто почувствовала это, когда подошла ко мне.

– Я все знаю, – не глядя мне в глаза, с режущими нотками обиды в голосе пасмурно сказала она.

Я ей протянул одно ведро, а она взяла другое, первое подвернувшееся ей под руку. Кажется, с проржавевшим до дыр днищем.

– Что ты знаешь? – спросил я.

– Ты с ней был, – не оборачиваясь ко мне, ответила она и скрылась в толпе.

Я вопросительно посмотрел на Макара. Он знал, с кем я провел эту ночь. Он же и мог капнуть об этом Люське, а уж та... Но Макар недоуменно пожал плечами. Не мог он никому ничего сказать. Хотя бы потому, что четко знает, о чем можно говорить, а о чем нельзя. Ведь в наших нелегких войнах на женском фронте всегда была важна конспирация.

В наших войнах. Сколько девчонок мы завоевали за последние два года! Макара до сих пор несло вдаль по амурным буеракам, а моя душа уже требовала остановки. Хватит с меня, пора остепениться. Тем более что есть вариант. Вернее, два. Или Майя, или Женя. Хорошо, если бы в нашей стране было разрешено многоженство. Честное слово, я бы не задумываясь взял в жены и ту, и другую. Женю для души, а Майю для тела. Но так нельзя. И что же делать? Ждать, когда Майя бросит меня? Тогда вопрос рассосется сам по себе. А она не из тех, кто блещет постоянством. Сегодня со мной, завтра с другим. А Женя будет мне верна. Я был уверен в этом на все сто процентов. Теоретически был уверен, потому как реально на данный момент мы с Женей были очень далеки друг от друга.

Майя взяла предложенное ведрышко изящно, двумя пальцами.

– Э-эх, доля моя горькая, – скорее в шутку, чем всерьез посетовала она.

Но, как бы то ни было, работать ей вовсе не хотелось. Кому охота целый день ишачить в поле да еще и по самые уши в грязи. К тому же я был уверен, что изящная и нежная Майя пришла в этот мир вовсе не для грубого физического труда. Кстати, в отношении Жени такая мысль у меня даже не возникала. Пожалуй, Женя из тех женщин, что и коня на скаку остановить смогут. Но это ничуть не умаляло ее достоинства.

– Ты мне поможешь? – снова в шутку и тихо спросила Майя.

Не задумываясь, я согласно кивнул. Как всякий начальник, я не обязан был ковыряться в грязи. В мою задачу входили учет и погрузка уже собранного картофеля. А если точнее, то руководство этим процессом. Так что в моих силах было помочь Майе. Чем, в сущности, я и занялся, как только мы оказались на поле.

Конечно, ей приходилось участвовать в битве за урожай. Но моими стараниями ее норма была снижена в добрых три раза. За одно собранное ведро я ставил ей не одну, а целых три галочки. То же самое я попытался проделать и в случае с Женей. Предложил ей свою помощь, но нарвался на грубый отказ.

– Свою красавицу обхаживай! А про меня забудь! Нет меня, понял?

Я все понял. И с той поры стал делать вид, что знать ее не знаю. Но вообще забывать о Жене я был не намерен. Мне уже было понятно, зачем я понадобился Майе. Ей нужен был не я, а моя помощь. И она добилась своего. Но как только все закончится и мы вернемся в город, она от меня отстанет. Тогда я целиком и полностью переключусь на Женю. А пока что я продолжал плыть по течению страстного соблазна, который являла собой Майя.

3

Мама смотрела на меня круглыми от удивления глазами:

– При чем здесь твой отец? Ты носишь мою фамилию.

В институт наш отряд вернулся в конце сентября, в субботний день. И я сразу же отправился на побывку домой, в славный город Электроцинк. Два часа на рейсовом автобусе от областного центра, и я дома. Встреча с матерью, встреча с младшей сестрой.

Лена ушла к подруге, а я грешным делом насел на мать. Коснулся если не запретной, то не очень желанной темы. Так уж сложилось, что в нашей семье не принято было лазать по ветвям нашего, так сказать, генеалогического древа. Древо-то вроде бы и было, но для меня оно – темный лес. И все потому, что у мамы не очень удачно сложилась жизнь. Меня она родила от одного мужчины, Лену от другого, но так ни разу и не побывала замужем. А ведь она не уродина какая-то и вовсе не гулящая. Красивая, ответственная женщина, член партии, душа трудового коллектива. А не везет ей с мужчинами. Из чувства такта я старался не лезть в ее личную жизнь. И даже предками своими не интересовался. Чувствовал, что и это может расстроить мать. Ведь сама она по собственной инициативе нам с сестрой ничего не рассказывала. Но в конце концов я приблизился к тому моменту, когда тайное должно было стать явным.

– Тогда почему у Лены другая фамилия?

– Так хотел ее отец, – ответила мама и смущенно отвела в сторону взгляд.

Я чувствовал, что этот разговор был ей, по меньшей мере, неприятен. Но не успокаивался.

– Значит, мой отец этого не хотел?

– Твой отец погиб в авиа... – начала было она, но запнулась – видимо, не захотела показаться смешной. – Да, его не очень интересовало, какая у тебя будет фамилия. А Василий Александрович был очень хорошим человеком.

Помню я этого Василия Александровича. Здоровенный дядька с вечно смеющимся взглядом и жесткими усами. Он хаживал к нам в гости и даже иногда оставался на ночь. А когда родилась Лена, даже встречал маму из роддома. Мне тогда лет десять было, и я уже все понимал. Думал, что их отношения закончатся свадьбой, но Василий Александрович вдруг куда-то подевался. В память о нем осталась только Лена с его фамилией.

– Уверен, что и мой отец был хорошим человеком, – сказал я, чтобы сгладить ситуацию. – Плохого бы ты не полюбила.

– Да, он был хорошим человеком, – опечаленно вздохнула мама. – Но он умер. Для меня умер. Но если ты хочешь увидеться с ним...

– Не хочу, – мотнул я головой. – Меня совсем не интересует человек, который не хочет меня знать. У меня есть ты, и я тебя очень-очень люблю.

– Спасибо, сынок, – растрогалась мама и нежно погладила меня по голове.

Так она делала в детстве, когда хотела приласкать меня, утешить. Мне уже двадцать два года, но рядом с ней мне до сих пор хочется быть маленьким ребенком. Наверное, это нормально. Все-таки она мама, самый родной человек. Кому я могу еще довериться, как не

ей. Но сейчас я хотел быть взрослым. Я хотел знать то, о чем должен был узнать гораздо раньше.

– Я хочу знать, кем был мой дед, – чеканя каждое слово, сказал я.

Мама задумалась, нерешительно посмотрела на меня:

– Не знаю, должен ты это знать или нет.

– Должен.

– Да, наверное. Ты уже достаточно взрослый. Родилась я в тридцать шестом, а в тридцать седьмом арестовали отца. В сороковом нам сообщили, что он был убит. Пытался бежать, но... Мама боялась, что за ней тоже придут. Может быть, поэтому в сорок первом добровольцем ушла на фронт. В том же году и погибла. Я воспитывалась в детдоме.

– За что деда арестовали?

– Не знаю. Мама об этом не говорила. Но говорила, что он ни в чем не виновен.

– Может, виной дворянское происхождение?

– Кто тебе такое сказал? – встрепенулась мама.

– Ну, как бы тебе сказать... Знаешь, где мы на картошке жили? В усадьбе графа Сокольского.

Мама разволновалась не на шутку. Достала из сумочки пачку сигарет. Она курила, но скрывала это от нас. Видно, хорошо ее проняло, раз она у меня на глазах схватилась за сигарету. Впрочем, она опомнилась, спрятала пачку. Но волнение не прошло.

– Да, это имение моего деда, – наконец-то решилась она. – Дед генералом у Врангеля был, в двадцатом году в Крыму расстреляли, старший сын где-то в Приморье сгинул, среднего убили в усадьбе вместе со всей семьей. Только бабушка моя уцелела и отец.

Все-таки тайное стало явным. Теперь я точно знал, что являюсь потомком знатного рода. Конечно, в реалиях современного мира мое происхождение не играло никакой роли и графской усадьбы мне не видать как своих ушей, но все равно было приятно осознавать, что у тебя дворянские и даже графские корни. Граф Всеволод Сокольский... раскурить через коромысло.

– А твоего отца как звали?

– Всеволод. Я назвала тебя в его честь.

– Я слышал, он вместе с матерью эмигрировал за границу?

– Я не знаю, где ты мог это слышать. Но моя бабушка умерла здесь, в России, от тифа. А моего отца определили в детский приют.

– А драгоценности? – ляпнул я.

– Какие драгоценности? – изумленно вытянулось лицо мамы.

– Фамильные. Я слышал, что графиня увезла с собой все фамильные драгоценности.

– Я не слышала, а он слышал. Не было никаких драгоценностей. Хотя, может, и были. Но поверь, мне о них ничего не известно. Ничего с тех времен не сохранилось. Ничего. Только память. И ту я постаралась стереть. Сначала было страшно за себя, затем за тебя, потом уже и за Лену. Времена-то какие были. Да и сейчас не все гладко. Андропов как гайки закручивал, Черненко помягче, но кто его знает, как дальше будет. Тебе лучше забыть о том, что я тебе рассказывала. Надо было мне фамилию сменить.

– Чего ж не сменила?

– Не хотела предавать отца. Мама же не сменила фамилию.

– А кто еще из Сокольских... э-э... сохранился?

– Не знаю. Мама говорила, что все погибли. Может, по линии двоюродного деда. Он тоже был Сокольским. Но я ничего о нем не знаю.

– Но имение принадлежало твоему родному деду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.